

ГОРСКІЕ ЕВРЕИ.

I.

Горскіе евреи. Ихъ жилища, гостепріимство, пища и напитки.

Горскіе евреи, живущіе съ незапамятныхъ временъ между горскими племенами Кавказа, отличаются весьма рѣзко отъ всѣхъ своихъ европейскихъ соплеменниковъ правами и обычаями, которые они позаимствовали у своихъ сосѣдей—горцевъ, живя между ними втеченіи вѣковъ и даже тысячелѣтій. Во время моего двухлѣтняго путешествія по прикаспійскому краю и Терской области, я, по мѣрѣ возможности, изучалъ бытъ этихъ моихъ единоплеменниковъ, — ихъ образъ жизни, обычаи, нравы, обряды, вѣрованія и предрасудки, а также собиралъ ихъ легенды, сказки и національныя пѣсни. Въ предлагаемой статьѣ я представляю собранныя мною этнографическія замѣтки о бытѣ этихъ горскихъ евреевъ, такъ еще мало извѣстныхъ, причемъ надѣюсь, что трудъ мой не будетъ оставленъ безъ вниманія любителями исторіи и этнографіи.

По пріѣздѣ моемъ въ первый разъ въ г. Дербентъ, тамошній главный раввинъ указалъ мнѣ квартиру въ домѣ одного богатаго еврея, въ еврейскомъ магалѣ. Квартира эта была довольно порядочная, во второмъ этажѣ, съ азіатскимъ убранствомъ, т. е. стѣны ея были покрыты шелковыми одѣялами и коврами, на нихъ висѣло много зеркалъ самой простой персидской работы и между зеркалами висѣли шелковыя шалы. Подъ верхнимъ карнизомъ сдѣланы были длинныя полки, на которыхъ разставлена была разная посуда—фалисовая, мѣдная и стеклянная; подъ полками висѣли тарелки и мѣдные подносы, круглые, большихъ

размѣровъ; тарелки и подносы навѣшены были на тоненькихъ виткахъ, для того чтобы казалось издали, что они висятъ на воздухѣ. Полъ былъ устланъ персидскими хорошими коврами. Собственно для меня, хозяинъ досталъ гдѣ-то столъ и стульевъ; но спать все таки пришлось мнѣ по-азіатски—на хорошей постели на коврахъ. Такую роскошную квартиру я имѣлъ въ Дербентѣ; но мнѣ пришлось побывать въ еврейскихъ сакляхъ и въ горахъ. Вотъ какъ онѣ устраиваются и убираются:

Все сакли въ Южномъ Дагестанѣ и въ Терской области, также въ Нухинскомъ и Шемахинскомъ уѣздахъ, выстраиваются изъ камня, на гризп или глины. Крыши дѣлаются плоскія; онѣ смазываются глиною, съ примѣсью самана (мѣшанной соломы), убируются и укатываются такъ твердо, что составляютъ сплошныя твердыя массы. Потолки подшиваются или короткими досками, на протяженіи балки отъ балки, или камышомъ. Въ каждой саклѣ дѣлаютъ одно или два маленькихъ окна и одну или двѣ двери; окна безъ рамъ и стеколъ, съ ставнями простой, топорной, но прочной работы, безъ всякой оковки, запирающіяся изнутри толстыми деревянными засовами. Внутри комнатъ, между окнами и дверью, устраиваютъ каминъ, безъ дверецъ и заслонокъ, съ плотною трубою изъ глины; на верху крыши труба закрывается доскою и на доску кладутъ тяжелый камень, чтобы она не упала во время сильнаго вѣтра. Зимой, каминъ постоянно топится и тлѣющіе угли поддерживаются въ немъ по цѣлымъ суткамъ. Возлѣ дверей дома устраиваютъ нѣчто въ родѣ корридора или галлерей, также съ камнями на обоихъ концахъ, съ полами, хорошо вымазанными глиной и покрытыми коврами. Здѣсь, лѣтомъ, женщины работаютъ, приготавливаютъ кушанья или проводятъ время съ своими гостями.

Сакли эти устраиваются о двухъ или трехъ комнатахъ; въ каждой комнатѣ сдѣлана въ стѣнѣ маленькая дверца или лазейка, наравнѣ съ поломъ; чрезъ нее они пролазятъ въ другія комнаты, и ее не видно, такъ какъ она постоянно закрыта стѣннымъ покрываломъ. Стѣны и полы комнатъ смазываются еженедѣльно, предъ субботой, весьма чисто выбѣливаются известкою, а нижній карнизъ вымазывается по большей части красной или сѣрой глиной, добываемой ими на мѣстѣ въ изобиліи. Комнаты убируются такъ: на верхнихъ полкахъ разставлена, какъ я уже выше сказалъ, разная посуда, какъ-то: чайники, полоскательныя чашки, бутылки, глиняныя кувшины для вина и мѣдные кувшины

для воды, старой азіатской формы, и разная мелочь. Одна стѣна украшается зеркалами, и между ними висятъ шали, шелковыя или шерстяныя, а также группируется разными фигурами оружіе—шашки, кинжалы, пистолеты и ружья. Вторая стѣна украшается большими, висащими на ней, круглыми подносами, изъ красной мѣди, и тарелками, раскрашенными цвѣтами и фигурами; внизу, подъ этими украшеніями, поставлены сундуки, одинъ на другомъ, — внизу самый большій, а наверху самый маленькій, въ видѣ пирамиды; въ нихъ помѣщается одежда и другое имущество хозяевъ. Третья стѣна украшается постелями: верхняя половина стѣны уложена подушками и одѣялами, сложенными въ порядкѣ до самаго потолка, а у нижней части стѣны сдѣланы квадратныя отверстія, замѣняющія наши шкапы; въ нихъ держатъ разныя хозяйственныя вещи, а у равниновъ помѣщаются тамъ книги. Эти отверстія или шкапы закрываются занавѣсами. Въ савляхъ бѣдныхъ, у которыхъ немного постельныхъ принадлежностей, цѣлая стѣна завѣшивается, съ потолка до самаго низу, занавѣсами. Четвертая стѣна образуетъ каминъ, огня и двери. Около дверей и въ углахъ комнаты я замѣчалъ большіе, въ полтора аршина вышины, глиняные сосуды, въ которыхъ держатъ муку и крупу; они служатъ вмѣсто амбаровъ. По срединѣ комнаты стоитъ столбъ, а въ большихъ савляхъ и два столба, которые подпираютъ потолокъ; на этихъ столбахъ висятъ со всѣхъ сторонъ одежды и оружіе. Въ нѣкоторыхъ савляхъ я видѣлъ длинную палку, которая виситъ на двухъ веревкахъ, привязанныхъ къ потолку; на палкѣ этой вѣшаютъ иногда одежду, а иногда конченную говядину, баранину или сало. Полъ застилается хорошими коврами или весьма искусно и красиво сплетенными изъ камыша рогожами; но изъ нихъ нужно часто выбивать пыль и сбрызгивать ихъ водой. Такъ украшенная комната служить вообще пріемной для гостей и пріѣзжающихъ и называется кунацкой. Вторая-же половина савли опредѣлена для кухни и для помѣщенія семейства. Лѣтомъ, когда женщины готовятъ свои кушанья на дворѣ и работаютъ или бесѣдуютъ на галереяхъ своихъ домовъ, тогда въ ихъ комнатахъ очень чисто и опрятно; но зимою тамъ большая нечистота и грязь. Посуда съ водой, бурдюки съ виномъ, корзины съ мукой и крупой—все это помѣщается на женской половинѣ савли; тутъ-же говядина, баранина и сало висятъ на крючьяхъ и коптятся; мѣдные и глиняные сосуды, старыя тряпки и тому подобный хламъ разбросаны повсюду: въ такомъ хаосѣ живетъ семейство зимой.

Свѣтъ входитъ въ комнату чрезъ маленькія окошка и чрезъ отворенныя постоянно двери, а также проникаетъ сверху, чрезъ прямую трубу камнина. Зимой, окна и двери также отворены, и теплота, вѣсивъ съ дымомъ, выходитъ изъ комнаты на дворъ, а жальцы сидятъ и грѣются возлѣ огня камнина. Вообще, горцы-мусульмане и горцы-евреи не заботятся, чтобы теплота сохранялась у нихъ въ комнатѣ на продолжительное время.

Иногда хозяинъ устраиваетъ у себя на дворѣ огороженное плетнемъ помѣщеніе для скота и лошадей; но по большей части я встрѣчалъ въ деревняхъ такія помѣщенія, въ родѣ сарайчиковъ, выстроенными подъ поломъ саклей. У нѣкоторыхъ богатыхъ бываютъ двухъ-этажны сакли; въ такихъ сакляхъ принимаютъ они своихъ гостей во второмъ этажѣ, а нижній этажъ служитъ для семейства. Двери они дѣлаютъ вообще и вездѣ весьма низкія и узкія, такъ что нужно сгибаться при входѣ и выходѣ чрезъ нихъ; нужно также быть осторожнымъ при ходѣ по лѣстницамъ и черезъ пороги, иначе легко себя сломать съ непривычки руки и ноги.

При окончаніи постройки сакли, собираются женщины, молодежь и дѣвушки къ хозяину сакли, и они должны помочь ему въ послѣдній разъ вымазать крышу новопостроенной сакли. Въ то время, хозяинъ угощаетъ ихъ водкой или виномъ, и они оттуда возвращаются съ торжествомъ. Мнѣ разъ пришлось видѣть такое торжество въ деревнѣ Арага, въ Кюринскомъ округѣ (въ Южномъ Дагестанѣ). По улицамъ деревни слышались зурны, съ аккомпаниментомъ барабановъ; партія за партіей, молодежь и женщины, ходили и громко распѣвали разные пѣсни; дѣвушки съ весельемъ оглашали воздухъ звуками ударовъ въ ладоши: это было торжество при возвращеніи изъ новооконченной сакли у нѣхъ односельца. Вечеромъ того-же дня, хозяинъ новой сакли приглашаетъ въ себя всѣхъ хозяевъ деревни изъ евреевъ и дѣлаетъ для нихъ большой ужинъ, за то, что они помогали ему въ его постройкѣ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напр. въ Дербентѣ, Кубѣ, Темиръ-Ханъ-Шурѣ, Хасавъ-Юртѣ и Грозномъ, я видѣлъ у горскихъ евреевъ порядочные европейскіе дома, но они принадлежатъ, разумеется, богатымъ, которые ѣздятъ ежегодно на нижегородскую ярмарку. У такихъ евреевъ находится одно отдѣленіе, убранный по-азіатски, гдѣ они живутъ съ семействами своими, особое отдѣленіе — кунацкая — для горскихъ гостей, и еще одно отдѣленіе,

убранное совершенно по-европейски; это последнее стоит не-обитаемо, назначаясь только для европейских гостей.

Самый древній обычай, оставшійся въ наслѣдство потом-камъ человѣческаго рода въ Азіи, есть гостепріимство. Всѣ му-сульманскіе и языческіе народы Азіи крѣпко придерживаются этого обычая и донныѣ. Горскіе евреи, заброшенные судьбою извнутри Азіи сюда, въ горы Кавказа, почти за 7 столѣтій до Р. Х., сохранили нѣкоторые изъ обычаевъ своихъ пред-ковъ-патріарховъ въ первобытной формѣ, какъ напр. гостепріим-ство и обмываніе ногъ (I кн. Бытія, гл. XVIII, 1 — 8), до настоящаго времени. Если какой-либо хахамъ (ученый) изъ Палестины или изъ Россіи пріѣзжаетъ къ нимъ въ деревню, то каждый изъ жителей деревни проситъ его постоячиво заѣхать къ нему въ гости; но большею частію хахамъ заѣзжаетъ или къ богатымъ хозяевамъ или къ раввину. Тогда тотъ хозяинъ, къ которому заѣхалъ гость, обязанъ взять изъ рукъ его вещи и отнести ихъ въ гостинную комнату, указать ему лучшее мѣ-сто на постели для отдыха съ дороги, и тутъ-же обмыть его ноги. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, исполняетъ этотъ обы-чай сама хозяйка дома. Скоро затѣмъ собираются въ этотъ домъ старики и почетные люди и подаютъ гостю руки, съ привѣт-ствованіемъ на библейскомъ языкѣ, словами: «шаломъ алейхемъ», т. е. здравія вамъ желаю, или «барухъ-габо», что значитъ: да будетъ благополученъ вашъ пріѣздъ, а гость долженъ имъ отвѣ-чать: „алейхемъ шаломъ!“ т. е. будьте вы здоровы и благопо-лучны! Всѣ бесѣдуютъ съ нимъ, а хозяинъ подаетъ въ то время разныя угощенія, и всѣ садятся съ гостемъ обѣдать или ужинать. Гостю не должно быть скучно, а потому жители деревни не да-ютъ ему скучать,—одинъ отъ него выходитъ, другой заходитъ, и каждому деревенскому жителю желательно узнать причину его пріѣзда или тѣ новости, какія онъ привезъ имъ; поэтому, въ одинъ часъ уже извѣстно всѣмъ въ деревнѣ, даже женщинамъ и дѣтямъ, зачѣмъ пріѣхалъ гость. Когда гость желаетъ отъѣхать, хозяинъ проситъ его, чтобъ онъ остался у него еще на нѣкоторое время. Если тотъ бѣденъ и нуждается въ помощи, тогда общество по-могаетъ ему денежнымъ пособіемъ, по возможности. Хозяинъ даетъ ему съѣстные припасы на дорогу и одинъ или нѣсколько человѣкъ изъ этой деревни провожаютъ его до слѣдующей дерев-ни. Кромѣ такихъ гостей, пріѣзжаютъ къ нимъ свои едино-вѣрцы изъ сосѣднихъ деревень и городовъ, по дѣламъ торговли,

по знакомству или для отдыха и ночлега; въ такомъ случаѣ, каждый имѣетъ своего кунака, т. е. добраго знакомаго или пріятеля. Хозяинъ обязанъ встрѣтить гостя, взять у него пазъ рукъ оружіе, принять лошадь, угостить кунака, накормить коня и при отъѣздѣ провести его за ворота, съ пожеланіемъ ему счастливаго пути. Подобное-же гостепримство хозяинъ надѣется встрѣтить и въ свою очередь. Такимъ-же образомъ принимаютъ они и гостей изъ мусульманъ, заѣзжающихъ къ нимъ по разнымъ обстоятельствамъ, или для отдыха и ночлега. Каждый мусульманинъ имѣетъ своихъ кунаковъ въ еврейскихъ деревняхъ и каждый еврей имѣетъ такихъ-же прітелей въ мусульманскихъ деревняхъ.

Европейскому человѣку весьма трудно привыкать къ ихъ кушаньямъ и способу ихъ приготовленія, потому что горцы-евреи ѣдятъ весьма нечисто. Вообще я замѣтилъ, что они подаютъ кушанья въ такой посудѣ, которая по нѣсколько недѣль не мыта, и на ней остатки прежнихъ кушаній накоплены одни на другіе; иногда подаютъ стаканъ или рюмку для напитка также нечистые, замазанные мухами, грязью или пылью, да и вообще о чистотѣ всѣ горекіе евреи мало заботятся. Кромѣ того, они прикасаются къ каждому кушанью руками, и хотя и находятся у многихъ изъ зажиточныхъ изъ нихъ ложки и вилки, но они все-таки, по привычкѣ, ѣдятъ руками. Большою частію всѣ кушанья ихъ пахнутъ по́томъ, что отвратительно для непривычнаго человека.

Обычай у нихъ таковъ, что гость не долженъ ѣсть отдѣльно, а только вмѣстѣ съ хозяиномъ; если же хозяина нѣтъ, то съ членами семейства: ибо стыдомъ считается у нихъ, если гость будетъ кушать отдѣльно. Еще есть у нихъ адатъ, что кто бы ни зашелъ къ нимъ во время ѣды, непременно долженъ сѣсть и участвовать въ компаніи, для чего они нерѣдко готовятъ столько кушанья, чтобы достаточно его было по крайней мѣрѣ для десяти постороннихъ человѣкъ.

Въ домашнемъ быту женщины ѣдятъ вмѣстѣ съ мужчинами, чего у мусульманъ не бываетъ, а когда заходитъ посторонній человѣкъ, то онъ удаляется и ѣдитъ отдѣльно, въ своей комнатѣ.

Въ буднишіе дни, въ обѣдъ и ужинъ, кушанья подаются на большихъ круглыхъ деревянныхъ подносахъ, а въ праздничные дни или въ присутствіи гостей — на большихъ круглыхъ мѣдныхъ подносахъ. Подносъ ставится на полу, на коверъ, который

покрытъ ситцевымъ платкомъ, а въ праздникъ или при гостяхъ—шелковымъ. Подъ платкомъ лежитъ хлѣбъ, т. е. чуреки, которые они пекутъ разъ въ недѣлю, отъ одной пятницы до другой (когда же прїѣзжаетъ къ нимъ знатный гость, то они тогда особо пекутъ свѣжій хлѣбъ); возлѣ чурековъ разложены соль, чеснокъ и лукъ, а въ праздничные дни и для гостей прибавляются разные фрукты; вокругъ подноса садятся, поджавъ ноги, мужчины; возлѣ дверей стоитъ нѣсколько человѣкъ для прислуги, а въ семейномъ быту—кто-нибудь изъ членовъ семейства. Прислуга подаетъ къ столу, т. е. къ подносу, воду для обмыванія рукъ, потомъ хозяинъ читаетъ молитву и беретъ чурекъ, разламываетъ его на столько кусковъ, сколько сидитъ вокругъ подноса людей, и бросаетъ каждому по куску, послѣ чего каждый, прочитывая короткую молитву, т. е. благодаря Бога за хлѣбъ и за соль, обмакиваетъ свой кусокъ чурека три раза въ соль и съ странными гримасами начинаетъ ѣсть; потомъ хозяинъ беретъ другой чурекъ, разламываетъ его на куски, обмакиваетъ всѣ куски въ соль и отсылаетъ ихъ чрезъ прислугу женщинамъ, въ ихъ комнату; потомъ пробуютъ фрукты, для того чтобы поблагодарить за нихъ Бога; послѣ фруктовъ ѣдятъ лукъ и чеснокъ съ хлѣбомъ, вмѣсто перваго блюда. Въ это время является хозяйка, съ покрытымъ платкомъ лицомъ, и подаетъ кушанья; за ней идетъ и прислуга съ остальными блюдами, потому что всѣ блюда подаются вмѣстѣ, за одинъ разъ. Тутъ образуется смѣсь всякихъ кушаньевъ: супъ съ бараниною, говядиною или курдючнымъ саломъ, съ клецками, сдѣланными квадратиками или трехугольниками изъ пшеничной муки, сваренными жидко въ водѣ и приправленными уксусомъ и чеснокомъ, что называется у нихъ хинкалъ; или супъ изъ фасоли съ говядиной, бараниной или съ саломъ, приправленный чеснокомъ и кислыми ягодами; пловъ изъ крупъ, съ курдючнымъ саломъ, приготовленный густо, какъ каша, приправленный изюмомъ и покрытый сверху личинцею; иногда личинца особо; отваренная баранина или говядина; жаркое особо; къ нему добавляется маринованный чеснокъ и маринованные огурцы, на особомъ блюдѣ, что замѣняетъ нашъ салатъ; наконецъ—сладкія кушанья, состоящія изъ жареныхъ или вареныхъ грушъ, яблокъ и сливъ, въ меду или сахарѣ, съ курдючнымъ саломъ, съ изюмомъ, что замѣняетъ нашъ компотъ. Всѣ вышеупомянутыя кушанья приготовляются съ большимъ количествомъ чесноку, что непривычному европейцу трудно переносить. Берутъ они поневажно отъ всѣхъ

блюды, смѣшиваютъ вмѣстѣ и ѣдятъ руками; ложки употребляютъ для супа, но очень рѣдко, а говядину берутъ или руками, или заостренными деревянными палочками, или же каждый особо разрываетъ свой кусокъ на кусочки руками или рѣжетъ ножикомъ своимъ, имѣющимся подъ кинжаломъ у каждого мужчины.

Къ столу подаются и напитки, — водка и вино, приготовляемое ими изъ своихъ виноградниковъ или купленное у своихъ собратій; они пьютъ много за столомъ, такъ что поминутно, немного закуся, пьютъ за чье-либо здоровье; но я рѣдко встречалъ между горскими евреями людей, которые-бы напивались до того, чтобы свалиться съ ногъ.

На ужинъ большею частію подаютъ или хинкаль, или жареную и копченую соленую рыбу, называемую ими *кутумъ*, или-же жарятъ фасоль въ маслѣ и салѣ съ чеснокомъ, солью и лукомъ. Всѣ эти кушанья они готовятъ для праздничныхъ дней и для важныхъ гостей; въ семейномъ-же быту обходятся хлѣбомъ, съ сыромъ или съ кутумомъ, лукомъ и чеснокомъ.

Сверхъ этихъ кушаньевъ, они любятъ еще зелень и ѣдятъ ея весьма много, безъ всякаго приготовленія, иногда съ хлѣбомъ, иногда безъ хлѣба. Въ Кубъ я былъ приглашенъ въ гости къ нѣкоторымъ богатымъ евреямъ, которые угощали меня виномъ и водкой и подали закусить однѣхъ только травъ болѣе 5-ти сортовъ разнаго вкуса. Лѣтомъ они ѣдятъ ихъ постоянно съ хлѣбомъ.

Вообще, при случаѣ, всѣ они безъ исключенія кушаютъ весьма много; большой круглой подносомъ съ пловомъ подается нѣсколько разъ къ столу, сверхъ остальныхъ блюдъ, да кромѣ того каждый изъ нихъ можетъ съѣсть за столомъ 2 и 3 большихъ чурека. Зато въ дорогѣ они могутъ обходиться только чуреками, лукомъ, чеснокомъ и сыромъ на очень продолжительное время.

Если гость заѣхалъ въ домъ какого-либо хозяина и квартира ему не нравится или неудобна, то онъ не можетъ перейти на другую квартиру, потому что это почитается большою обидою для хозяина квартиры, а также большимъ стыдомъ для того, кто его приметъ въ свой домъ; между этими двумя хозяевами непременно произойдетъ ссора и они могутъ сдѣлаться навсегда между собою врагами.

II.

Національный характеръ горскихъ евреевъ, ихъ языкъ и письменность. — Грамотность горскихъ евреевъ, обученіе ихъ дѣтей и училища. — Склонность горскихъ евреевъ къ праздности; любознательность ихъ къ новостямъ и разсказамъ. — Три мѣстные разсказа.

Горскіе евреи, съ тѣхъ поръ какъ лишились своего отечества и были поселены, какъ плѣнники, въ горахъ Кавказа, усвоили себѣ обычаи и нравы тѣхъ племенъ, между которыми жили. Въ первыя времена ихъ пребыванія на Кавказѣ, они сохраняли еще національный характеръ и даже языкъ своихъ отцовъ, какъ это видно изъ біографіи святой Нины: когда она пришла въ Грузію изъ Іерусалима, для распространенія христіанской вѣры, то была весьма рада, что нашла своихъ соотечественниковъ въ городѣ Урбнискѣ, въ Карталинѣ, гдѣ она цѣлый мѣсяцъ бесѣдовала съ ними, на ихъ національномъ, древне-еврейскомъ языкѣ, равно и съ евреями, жившими тогда въ Мхетѣ, языкъ которыхъ она знала отлично еще въ Іерусалимѣ. Тогда ихъ типъ и характеръ былъ еще чисто-патріархальный. Но во время персидскаго владычества въ Закавказьѣ, евреи усвоили себѣ древне-персидскій языкъ, который они называютъ фарсидскимъ и татскимъ, и, вѣроятно, образовался у нихъ жаргонъ, составленный изъ этихъ двухъ языковъ, съ примѣсю древне-еврейскихъ, т. е. библейскихъ словъ, и со множествомъ словъ изъ языковъ мѣстныхъ, сосѣднихъ племенъ. Письменность у нихъ, на этомъ жаргонѣ, производилась еврейскимъ квадратнымъ шрифтомъ, называемымъ ассирійскимъ.

Во время мусульманскаго владычества въ Закавказьѣ, евреи совершенно отатарились, приняли мусульманскій характеръ и многое изъ обычаевъ, нравовъ и образа жизни мусульманъ; но языкъ ихъ остался тотъ-же самый, фарсидско-татскій, на которомъ они и нынѣ разговариваютъ между собою. Я привожу здѣсь нѣсколько словъ этого языка и сказку, записанную мною на ихъ языкѣ, для примѣра:

Ма—я.
 Ты—ты.
 У—онъ.
 Иму—мы.
 Ишму—вы.
 Уно—они.
 Худо—Богъ.
 Аасму—небо.
 Саръ—шаръ.
 Земи—земля.
 Нишъ—спиди.
 Нишитъ—сидите.
 Баба—отецъ.
 Дадай—мать.
 Бироръ—братъ.
 Хаһаръ—сестра.
 Духтаръ—дочь, дѣвушка.
 Кукъ—сынъ.
 Гуфтере—говорить.
 Иста—хочетъ, желаетъ.
 һизумъ—дрова.
 Тахайръ—вечеръ.
 Нунъ—хлѣбъ.
 Ширъ—молоко.
 Корда—ножъ.
 Ма аморумъ—я пришелъ.
 Ты амори—ты пришелъ.
 У амори—онъ пришелъ.
 Иму аморимъ—мы
 Ишму аморитъ—вы } пришли.
 Уно амо—они }

Хубъ }
 Хубо } хорошо.
 Амбаръ—очень.
 Амбаръ хубо—очень хорошо.
 һисты—есть.
 Нисты—нѣтъ.
 Хубъ-нисты—нехорошо, худо.
 Біоръ—дай, принеси.
 Оу—вода.
 Хурумъ—пить.
 Оу-біоръ-хурумъ—дай воды напиться.
 Діа-ма—дай мнѣ.
 Чп—что.
 Чи у гуфтерени—что онъ говоритъ?
 Чи у иста—что онъ хочетъ?
 Чи у біоръ—что онъ принесъ?
 һизумъ біоръ—дрова принеси.
 Нунъ біоръ—хлѣбъ принеси.
 Гуштъ-кови—говядина.
 Гуштъ-пенды—баранина.
 Нумо—пия.
 Кейфъ—какъ.
 Духтаръ амбаръ гукчеги—красавица.
 Сахъ-баши—очень благодаренъ.
 Данэстены—понимаете?
 Чуль—деревня.
 Кейфъ ты хуби—какъ твое здоровье?
 Кейфъ ишму хуби—какъ вы поживаете?
 Кейфъ зенты хуби—какъ твоя жена поживаетъ?

Еки—1, дидо—2, сеса—3, чоръ—4, пѣнджъ—5, шешъ—6, һафъ—7, һаштъ—8, нэ—9, tha—10, јаһозда—11, дуһозда—12, саһозда—13, чорда—14, поһозда—15, шоһозда—16, һавда—17, һашда—18, ноһозда—19, биетъ—20, биетъ-пѣнджъ—25, биһзда—30, биһздпоһозда—35, дубиетъ—40, дубиетъ-пѣнджъ—45, дубиетһа—50, сабиетъ—60, сабиетһа—70, чорбиетъ—80, чорбиетһа—90, сатъ—100, дусатъ—200, сасатъ—300, чоръ-сатъ—400, пѣнджъ-сатъ—500, һазоръ—1000, ду-һазоръ—2000 и т. д.

Разсказъ на этомъ языкѣ. А пѣнджъ һазоръ, пѣнджъ сатъ, чорбиетъ чоръ даһсалъ, кей рафъ Мусурмоһо ези чуль Арагъ а Мурсуль-ханъ а кута а Хайтахъ, ја Мусурмоһ нумы Дамуръ,

яурдъ азъ Хайтахъ ја Сейфертейра *) дуһузди азъ намазъ Израильһо Хайтахъ а Арагъ.—Вагурдъ ванджи Сейфертейра чекмә кушкердъ аре хушта, вагурдъ ти каһо бахешъ кертъ Мусурмоһора уһо арехишта хошкинә чекмә, хошъ кердетъ а Сейфертера капой ханжалъ таво ахариши ханжалһора.—Гуфтурутъ Израильһо а Мусурмоһ аричу ванджирены и чи Худоһи, арчу пра азиничиһо хошъ кердени? Худо ишмуре мидады.—Мусурмоһо хостамъ берутъ пискунутъ рахъ Израһила, вагурдутъ Сейфертейра тапоридъ арадъ маладъ, уһо хандустутъ, уһо бешмердутъ Худо Израһила.—Ја рузъ борда азарло бисто мусурмо Дамуръ, амбаръ сахтиназарло бисто, у джурай-за асахтъ-дзуһунъ новазъ джурай за у гуфты: вай! сухтумъ, сухтумъ! дулма сухтә! Га рузъ чуруй за ношоман **) вода рафтъ.

У Мусурмоһ дурудъ ки уаде һаджъ мурда, Худо додо мурдъ, тарсяурдъ байгурдудъ ути келоһо Сейфертейра ки айшу бегурдутъ торудъ а Израильһо. Израильһо бегурдутъ танородъ а намазъ.

Переводъ. Въ 5,594 году отъ сотворенія міра, когда мусульмане, жители деревни Арага, отправились съ Мурсуль-ханомъ воевать съ жителями селеній Кайтага, одинъ мусульманинъ, именемъ Дамуръ, взялъ Пятикнижіе Моисея, на пергаментѣ написанное, которое онъ похитилъ изъ синагоги кайтагскихъ евреевъ, и принесъ въ селеніе Арага. Этотъ мусульманинъ взялъ пергаментъ Пятикнижія, разрѣзалъ его на куски, сдѣлалъ изъ нихъ себѣ башмаки, и много еще кусковъ роздалъ другимъ мусульманамъ, чтобы они также сдѣлали себѣ изъ нихъ башмаки и чехлы для книжаловъ и пистолетовъ своихъ. Евреи говорили имъ: «зачѣмъ вы дѣлаете такъ, это святая книга, зачто вы оскорбляете ее такъ? Богъ накажетъ васъ за такое преступленіе и взыщетъ съ васъ такую обиду».

Мусульмане-же насмѣхались, и для того, чтобы еще больше разсердить евреевъ, взяли куски рукописи и топтали ихъ въ грязь, хохотали, хулили и ругали Бога евреевъ.

*) Сейфертейра есть древне-еврейское слово, означаетъ Пятикнижіе Моисея, которое написано на пергаментѣ квадратнымъ шрифтомъ и содержится въ синагогальныхъ кивотахъ.

**) Ношома означаетъ по-древне-еврейски—человѣческая душа.

Чрезъ день заболѣлъ весьма сильно мусульманинъ Дамуръ; онъ кричалъ изо всѣхъ силъ каждую минуту: «о, я горю, я горю! я сгорѣлъ, сердце мое горитъ!» — Нѣсколько дней сряду онъ такъ кричалъ, пока душа изъ него вышла, и онъ скончался.

Мусульмане, видя, что Дамуръ умеръ и такъ жестоко мучился, стали разсуждать и пришли къ убѣжденію, что Богъ его наказалъ за оскорбленіе святыни; они стали сильно бояться за себя, собрали всѣ куски пергамента Пятикнижія и возвратили ихъ евреямъ. Еврей-же съ радостію спрятали ихъ въ своей синагогѣ и восхвалили Бога своихъ предковъ.

Сверхъ древне-еврейскихъ словъ, которыя мнѣ пришлось слышать въ ихъ разговорѣ, я еще замѣтилъ много халдейскихъ словъ и талмудскихъ фразъ. Они, вѣроятно, приняли талмудъ во время его изданія. Раввины ихъ разсказали мнѣ, что у нихъ есть преданіе, что нѣкоторые изъ ученыхъ, входящихъ въ составъ талмудскихъ толкователей, жили въ при-каспійскомъ краѣ, какъ напр. Нахумъ *Гамадай*, т. е. мидійскій, жилъ въ старой Шемахъ, въ Ширванѣ, и Симонъ *Сафро* (т. е. Симонъ ученый или писатель, ибо сафро есть халдейское слово и значитъ авторъ, сочинитель), жилъ въ г. Дербентѣ, и поэтому-то встрѣчается въ талмудѣ много фарсидско-татскихъ словъ. Судя по этому, можно предположить, что въ древности были у нихъ ученые раввины и что народъ тогда могъ находиться на гораздо высшей степени умственного развитія. Теперь-же ихъ нравственное положеніе весьма въ упадкѣ. Я познакомился со всѣми горскими раввинами въ мѣстахъ ихъ пребываній и нашелъ только въ г. Дербентѣ ихъ главнаго раввина, который, вмѣстѣ съ своимъ отцомъ, отлично знаютъ ученіе талмуда, всѣ законы и установленія еврейской религіи, знакомы съ новой еврейской литературой и даже знаютъ грамоту русскую. Въ другихъ-же мѣстахъ раввины или знаютъ еврейскій законъ весьма неудовлетворительно, или-же почти ничего въ немъ не смыслятъ.

Вообще, еврейское народонаселеніе въ при-каспійскомъ краѣ и Терской области не обучается своей грамотѣ, и мнѣ приходилось всякій разъ слышать на мой вопросъ: знаете-ли говорить

по древне-еврейски? одинъ отвѣтъ: «моя амхаарець», что значитъ по-библейски: «я простакъ, неграмотный». Съ трудомъ я могъ объясняться по-древне-еврейски и съ ихъ раввинами. Даже мѣстной грамотѣ они не обучаются, хотя имъ и необходимо знать ее, по торговымъ ихъ дѣламъ. Во всѣхъ деревняхъ они платятъ мусульманскому муллѣ, а въ городахъ какому-нибудь грамотному татарину, чтобъ имъ писали письма и разныя бумаги, за что каждый мулла получаетъ отъ общества годовое жалованье или отъ каждаго особую плату за письмо, за просьбу и т. п., примѣрно по 10 коп. Объ обученіи своихъ дѣтей грамотѣ они мало или и вовсе не заботятся. Преподавателями у нихъ рѣзники, которые вмѣстѣ съ тѣмъ занимаютъ и раввинскія должности. Когда они свободны отъ рѣзки скота, тогда только занимаются обученіемъ дѣтей. Они обучаютъ мальчиковъ читать и писать, а также и библію, съ переводомъ на фарсидско-татскій языкъ. Кто изъ хозяевъ желаетъ отдать своего сына въ ученіе, тотъ платитъ раввину два абазы въ годъ, т. е. 40 к.; сверхъ того, раввинъ получаетъ отъ такихъ хозяевъ на праздники муку, соль, куръ и другіе съѣстные продукты; если-же хозяинъ занимается торговлею, то приноситъ раввину въ подарокъ двѣ пары чулокъ или кусокъ ситцу на платье для его жены. Если кто изъ молодыхъ людей стремится достигнуть раввинскаго званія, то отправляется въ Дербентъ, къ тамошнему главному раввину, и тамъ обучается, или-же ѣдетъ въ Россію, къ русскимъ евреямъ, и у нихъ изучаетъ правила, установленныя для званія рѣзниковъ. Больше этого имъ не нужно, ибо они стремятся только быть хорошими рѣзниками, такъ-какъ ремесло это достаточно для обезпеченія ихъ жизни. Другія познанія ихъ не интересуютъ, и лишь только такой молодой горскій еврей получилъ или успѣлъ получить свидѣтельство, что онъ можетъ быть хорошимъ рѣзникомъ, какъ спѣшитъ ужъ онъ на свою родину. По приѣздѣ его изъ Россіи въ деревню, къ своимъ односельцамъ, эти послѣдніе встрѣчаютъ его съ радостью и почестями; каждый изъ деревни считаетъ себя счастливымъ, если скажетъ ему ласковое слово; женщины желаютъ, чтобъ Богъ осчастливилъ ихъ такими-же сыновьями, дѣвушки рады имѣть такихъ жениховъ. Его принимаютъ вездѣ съ большимъ уваженіемъ, точно возвратился онъ къ своимъ роднымъ, окончивъ курсъ наукъ въ какомъ-либо университетѣ, со степенью доктора, а въ сущности, этотъ ученый горець, окончивши свое ученіе въ какомъ-нибудь эшпобѣ

или у одного изъ рѣзниковъ, ничего не знаетъ, да и не можетъ ничего знать, потому что, когда онъ прїѣзжаетъ къ русскимъ евреямъ, то онъ, во-первыхъ, языка русскихъ евреевъ не понимаетъ: какимъ-же образомъ онъ можетъ успѣвать въ ученіи своемъ, когда не понимаетъ объясненій и толкованій своего учителя? А когда, въ нѣсколько лѣтъ, начнетъ онъ немного понимать разговоръ евреевъ, то все-таки вполне не можетъ понять толкованія закона; стараться-же образовать самого себя по-европейски онъ не находитъ нужнымъ, потому что ему желательно выучиться только своему ремеслу и получить свидѣтельство. Такимъ образомъ, возвращается онъ на родину безъ всякаго образованія, безъ всякихъ успѣховъ въ наукахъ, и остается тамъ такимъ-же полудикимъ горцемъ, какимъ былъ прежде, хотя и играетъ роль ученаго раввина и всѣ односельцы имъ весьма довольны.

Въ каждомъ еврейскомъ обществѣ въ горахъ—какъ я сказалъ—найдется нѣсколько человѣкъ, которые могутъ объясниться по-древне-еврейски, т. е. сколько-нибудь могутъ читать и понимать библію; но такихъ весьма мало. Напримѣръ, въ Дербентѣ, гдѣ находится до 200 дымовъ евреевъ, найдется около 20 человѣкъ, знающихъ немного еврейскую грамоту; въ Арагѣ около 90 дымовъ и не больше 8 человѣкъ грамотныхъ; въ Кубѣ около 1000 дымовъ и только около 25 или 30 грамотныхъ; въ Грозномъ до 200 дымовъ, а грамотныхъ всего 5 или 6. Столько-же найдется ихъ въ Хасавъ-Юртѣ, въ Мюджи, а въ остальныхъ аулахъ могутъ только одни раввины, да развѣ 1 или 2 изъ мірянъ, объясниться по-древне-еврейски.

По прїѣздѣ моемъ въ какую-нибудь деревню, я считалъ нужнымъ посѣщать училища, чтобы видѣть, гдѣ и какъ учатъ дѣтей. Меня обыкновенно вводили въ сакли, которыя большею частію помѣщаются возлѣ синагогъ или въ домахъ раввиновъ. Помѣщенія для училищъ оказывались обыкновенно тѣсными, грязными; учащихся насчитывалось, примѣрно, на 200 дымовъ не болѣе 15. Обучаютъ такимъ образомъ: раввинъ сидитъ на землѣ или наковрѣ, а вокругъ него—всѣ мальчики; вмѣстѣ съ своимъ учителемъ, они киваютъ головами, читая молитвы или библію, съ татско-фарсидскимъ переводомъ и съ татарскимъ напѣвомъ. Печатныя еврейскія азбучки у нихъ рѣдко бываютъ; большею-же частію раввины рисуютъ на таблицахъ буквы алфавита и дѣти учатся читать и писать съ этихъ прописей. Они всѣ пишутъ на кофти, по мусульманскому способу, къ чему такъ привыкають,

что имъ трудно и неудобно писать на столѣ. Въ г. Дербентѣ находится школа, въ родѣ раввинскаго училища; она помѣщается при синагогѣ, въ хорошей комнатѣ—свѣтлой, съ окнами европейской формы и довольно чистой; тѣ, которые кончаютъ курсъ въ этомъ заведеніи, получаютъ свидѣтельство на званіе раввина или рѣзника отъ тамошняго главнаго раввина. Остальныя-же училища въ г. Дербентѣ, а также училища въ Грозномъ, Хасавъ-Юртѣ, Т.-Х.-Шурѣ и въ деревняхъ находятся въ весьма жалкомъ видѣ.

Разъѣзжая въ горахъ по деревнямъ, съ еврейскимъ населеніемъ, вездѣ я встрѣчалъ евреевъ, праздно расхаживающихъ съ трубками по аулу или сидищихъ возлѣ лавокъ, мечтающихъ богъ-знаетъ о чемъ, или бесѣдующихъ около своихъ домовъ. Большею-же частію они собирався возлѣ синагогъ или рѣзницъ и на площадкахъ деревни, гдѣ просиживаютъ долгое время, разсуждая между собою или-же толкуя по-пустому.

Вообще они любятъ выслушивать всякаго рода новости. Если кто-либо проѣзжаетъ, еврей или мусульманинъ, чрезъ ихъ деревню, они останавливаютъ его, — и вдругъ около него собирается толпа, съ распросами о новостяхъ изъ его аула или что онъ знаетъ о другихъ деревняхъ; любятъ они также разсказывать другъ другу религіозныя сказки и въ этихъ разсказахъ проводятъ день до вечера. Я приведу здѣсь нѣкоторые изъ ихъ разсказовъ, которые они сообщали мнѣ весьма охотно.

Разсказъ 1-й. Предки наши, которые жили въ деревнѣ Кусары (нынѣ штабъ-квартира, недалеко отъ Кубы), передали намъ, что въ 5,496 году отъ сотворенія міра, когда Надиръ-шахъ разорилъ еврейскую деревню Колкоту (нынѣ развалины на берегу рѣки Кудіаль-чай, въ двухъ верстахъ отъ г. Кубы), избилъ и взялъ въ плѣнъ многихъ изъ тамошнихъ евреевъ, — въ то время, разъ, утромъ, когда раби Реувинъ-бенъ-Самуилъ кончилъ утреннюю молитву и сѣлъ съ своими учениками на дворѣ синагоги читать, по обыкновенію своему, опредѣленную для каждаго дня, талмудическую диссертацию, прибылъ предводитель войскъ Надиръ-шаха и проходилъ съ своими войсками мимо синагоги. Увидѣвъ раввина, съ его учениками, и много евреевъ изъ постороннихъ слушателей, предводитель вздумалъ прежде напасть на это сборище и убить ихъ, а потомъ уже разорить деревню. Предводитель подошелъ съ своими воинами къ раввину, вынулъ свою саблю и занесъ ее на его голову; раввинъ, испугавшись, какъ держалъ въ то время книгу въ ру-

захъ, такъ и поднялъ ее противъ сабли, чтобы защитить себя. Сабля не попала на его голову, а прямо на книгу и книга была разрублена пополамъ. Предводитель, видя, что раввинъ остался неповрежденнымъ, сказалъ ему: „я вижу, что Богъ вашъ предохранилъ тебя отъ жестокости меча моего; за изученіе Его святыхъ законовъ, будь ты спасенъ съ твоимъ народомъ!“ Потомъ онъ обратился къ своимъ воинамъ и приказалъ имъ не трогать и не беспокоить никого изъ евреевъ. Попрощавшись съ раввиномъ, онъ, съ своимъ войскомъ, оставилъ деревню Кусары, и, по милости Бога Авраама, Исаака и Иакова, она была спасена тогда отъ нападенія Надиръ-шаха.“

Книгу эту показывалъ мнѣ кубинскій раввинъ Гершонъ. Дѣйствительно, она пополамъ искусно разрублена; сохраняется она у него, какъ драгоценный талисманъ, предохранившій его предковъ отъ злыхъ намереній враговъ; она заключаетъ въ себѣ: описаніе св. града Іерусалима, служеніе первосвященниковъ въ судные дни, въ храмъ Соломона, и нѣкоторыя толкованія каблистическія; печатана въ Венеціи въ 1587 году.

Рассказъ 2-й. «Въ смутныя времена Надиръ-шаха, евреи много страдали отъ нападеній различныхъ войскъ и шаекъ разбойниковъ, такъ, что не проходило дня безъ приключенія и несчастія; хлѣбъ на поляхъ и домашнее имущество были постоянно уничтожаемы, голодъ постепенно увеличивался, и еврей, не будучи уже въ состояніи терпѣть болѣе жестокую участь свою, стали оставлять свои обиталища и расходиться по разнымъ мѣстамъ; нѣкоторые поселились въ г. Кубъ, но большая часть евреевъ рѣшилась оставить навсегда этотъ край и предпринять путь въ Багдадъ и Палестину. Они собрали оставшееся имущество свое, приготовили съѣстныхъ припасовъ на дорогу, забрали свои семейства и, въ надеждѣ на Бога своихъ патріарховъ, пустились въ путь. Раби-Давидъ-бенъ-Реувинъ былъ ихъ наставникомъ и путеводителемъ. Они странствовали съ мѣста на мѣсто, пока дошли до Каспійскаго моря; тамъ они сѣли на корабль. Во время поѣздки по морю, они потерпѣли большое кораблекрушеніе. Раби-Давидъ-бенъ-Реувинъ и всѣ старики облеклись въ талеты (т. е. въ покрывала, которыми всѣ евреи покрываются во время молитвы въ синагогахъ), и стали молиться Творцу земли и морей; женщины идѣти въ отчаяніи рыдали съ воплями и молились. Все это не помогло: корабль сталъ разбиваться и разрушаться. Наконецъ, въ послѣднія ужасныя минуты, Богъ умилился надъ ними и сотво-

рилъ имъ чудо,—они были спасены на одномъ островѣ, который представился имъ предъ глазами при потопленіи корабля.

Тамъ, на островѣ, они жили пять дней; съѣстные ихъ припасы погрузились въ море и они пропитывались зеленью и овощами; чрезъ пять дней, по благой волѣ Господа Бога, проходилъ мимо того острова другой корабль. Корабельщикъ былъ сѣдой старикъ. Увидѣвъ островъ и на немъ много людей, онъ весьма удивился, потому что въ жизнь свою, сколько разъ онъ ни ѣздилъ по морю, никогда не видѣлъ никакого острова на этомъ мѣстѣ; изъ любопытства, приплылъ онъ къ тому острову и спросилъ евреевъ: «кто вы и изъ какой страны?» Они отвѣчали ему: «мы горскіе евреи; съ нами случилось несчастье, но вмѣстѣ съ тѣмъ и чудо Божіе: нашъ корабль утонулъ, а мы были спасены на этомъ островѣ». Шкиперъ имъ отвѣчалъ: «если вы израильтяне, то предки ваши давно уже привыкли къ божескимъ чудесамъ, и, какъ я вижу, самъ Богъ привелъ меня сюда окончательно спасти васъ; я весьма радъ быть посланникомъ отъ Бога; переходите всѣ ко мнѣ на корабль,—я васъ доведу до материка». Они остановились возлѣ береговъ Ширвана, всѣ высадились съ корабля на берегъ, а оттуда опять странствовали, пока не дошли до старой Шемахи; отсюда они отправились къ своимъ братьямъ, въ селеніе Мюджи. Только что вошли они въ селеніе, какъ скончался ихъ вѣрный путеводитель, раби-Давидъ-бенъ-Реувинъ, изнемогши отъ изнуреній дороги; онъ былъ погребенъ на старомъ еврейскомъ кладбищѣ, въ селеніи Курдовонѣ, мѣстопробываніи въ древности евреевъ, плѣнниковъ Салманасара, ассирійскаго царя. Пришельцы рассказали своимъ братьямъ свои приключенія на морѣ и на сушѣ и всѣ прославили Бога Израиля.

Разсказъ дербентскихъ и кубинскихъ евреевъ. По бакинско-кубинской почтовой дорогѣ, недалеко отъ Девичинской почтовой станціи, въ горахъ, находится деревня Кала-Чирахъ, въ которой жили евреи, еще задолго до прибытія сюда Надиръ-шаха. Когда Надиръ-шахъ сталъ нападать на эту страну и притѣснять ея жителей, евреи особенно пострадали тогда отъ жестокихъ гоненій; они принуждены были выселиться изъ Кала-Чираха въ г. Кубу. Ханъ кала-чирахскій, видя, что евреи оставили свои жилища навсегда, велѣлъ собрать всѣ надгробныя камни, находившіеся на еврейскомъ кладбищѣ, и выстроить изъ нихъ ему дворецъ. Жители исполнили съ радостію его приказаніе.

ніе, и выстроили ему изъ этихъ камней великолѣпный дворецъ. Когда ханъ съ своимъ семействомъ и всѣмъ имуществомъ перебрался во дворецъ, то не прошло и нѣскольکو недѣль, какъ заболѣла его жена и умерла, потомъ дѣти всѣ заболѣли и померли, наконецъ и самъ ханъ жестоко заболѣлъ, сильно мучился и послѣ необыкновенно-тяжкой болѣзни скончался, такъ что изъ цѣлаго семейства хана не осталось ни одной живой души; даже всѣ лошади на ханскихъ конюшняхъ погибли. Сколько разъ пробовали тамошніе жители-мусульмане селиться во дворцѣ, — они также умирали. Дворецъ этотъ стоитъ пустой, никѣмъ не обитаемый и до сихъ поръ. Мусульмане боятся по вечерамъ проходить мимо него. Евреи увѣряютъ, что Богъ наказалъ хана за взятіе надгробныхъ камней съ еврейскаго кладбища на постройку дворца, и что мертвецы, за обиду, нанесенную имъ, передушили его съ семействомъ, а также душатъ и другихъ мусульманъ, которые поселялись послѣ въ томъ дворцѣ; даже и невинныхъ лошадей они не пощадили.

III.

Вѣрованія горскихъ евреевъ въ безсмертіе души. Вѣрованіе въ переселеніе душъ послѣ смерти въ животныхъ. Понятія объ адѣ, верховномъ небесномъ судѣ и раѣ. Господствующія болѣзни и способы ихъ леченія. Похоронные обряды. Жѣнщины-плакальщицы. Горскія еврейки.

Вѣрованія въ безсмертіе души у горскихъ евреевъ различны: нѣкоторые вѣруютъ, что душа человѣка, по оставленіи ею мертваго тѣла, не отлучается отъ могилы тѣла ея цѣлый годъ, а по окончаніи года возвращается къ тому мѣсту на небѣ, откуда взята, и тамъ въ царствѣ небесномъ покоится вѣчно. Нѣкоторые полагаютъ, что, скоро по выходѣ изъ тѣла, она улетаетъ на небо, нѣкоторые-же вѣруютъ, что она цѣлый годъ находится на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ вышла изъ тѣла, а потому горитъ у нихъ постоянно лампа на томъ мѣстѣ, въ честь ду-

ши. Нѣкоторые также вѣрують, что душа посѣщаетъ каждый день могилу ея тѣла на кладбищѣ; по этой причинѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть обычай, что ставятъ воду на владбищѣ, для душъ человѣческихъ, чтобы всѣ души въ ней выкупались и очистились отъ нечистоты мертвыхъ обиталищъ, прежде чѣмъ онѣ поднимутся въ свои святыя мѣста на небесахъ.

Горскіе евреи вѣрують также въ переселеніе человѣческой души, послѣ выхода ея изъ тѣла, въ различныхъ животныхъ, чистыхъ и нечистыхъ. Она бываетъ въ нихъ иногда долго, иногда короткое время, и перемѣщается изъ одного животного въ другое. По мнѣнію горскихъ евреевъ, душа извѣстный срокъ страдаетъ въ тѣлѣ животныхъ. По окончаніи-же срока, она переходитъ въ адъ и тамъ должна очиститься отъ нечистоты своей, черезъ огонь, а потомъ отправляется на покой въ мѣсто, для ней назначенное.

Адъ они представляютъ великимъ безконечнымъ чертогомъ, въ которомъ находится множество отдѣленій. Въ каждомъ отдѣленіи есть ангелы-истребители и черти, которые терзають грѣшниковъ различными жестокими мученіями, какъ напримѣръ: бросаютъ ихъ въ кипящіе котлы, ставятъ на раскаленные сковороды, обмазываютъ ихъ нефтью и зажигаютъ, бьютъ жгучими желѣзными прутьями, бросаютъ въ пропасти, кидаютъ въ воздухъ съ одного конца міра до другаго. Ангелы-же истребители исполняютъ въ точности волю верховнаго небеснаго суда. Въ субботній день не производится никакихъ наказаній въ адѣ,—грѣшники отдыхаютъ. Въ субботу-же вечеромъ уже повсемѣстно раздаются въ адѣ вопли и жалобные крики.

Верховный небесный судъ представляется большимъ чертогомъ, въ которомъ горитъ безчисленное множество свѣчей; равнины и великіе люди древняго міра, сѣдые старики, сидятъ въ бѣлыхъ саванахъ вокругъ длинныхъ столовъ. Тамъ висятъ большіе вѣсы, на которыхъ вѣсятъ добрыя и злыя дѣла человѣка. Если грѣхи превышаютъ добрыя дѣла, то рѣшается участь грѣшника по общему совѣту, именно, какія наказанія онъ долженъ принять на себя. Чертогъ наполненъ постоянно мертвыми людьми, прибывающими туда изъ всѣхъ концовъ земнаго шара. Тамъ дозволяется присутствовать ихъ предкамъ и ближайшимъ родственникамъ, которые давно уже покоятся въ раю; они имѣютъ право вмѣшиваться въ общій совѣтъ,—просить за своихъ осужденныхъ родственниковъ; они также могутъ находить для нихъ

какія-нибудь оправданія, въ облегченіе ихъ жестокой участи. Плачъ, крики, вопли и рыданія слышны по всему чертогу; тутъ просятъ покойный отецъ о своемъ сынѣ, тамъ мать о своемъ дитяти и т. д. Подобно тому, какъ за свои злыя дѣла человѣкъ получаетъ наказаніе, такъ за добрыя дѣла онъ удостоивается награды, т. е., по очищеніи души отъ грѣховъ, впускается въ рай.

Рай они представляютъ себѣ на самомъ высшемъ небѣ, гдѣ стоитъ тронъ Творца міровъ; предъ нимъ безчисленное множество ангеловъ и херувимовъ въ великомъ благоговѣніи расхваливаютъ имя Іеговы Саваоѳа и стоятъ готовыми ежесекундно исполнять волю Его.

Всѣ праведники и благочестивые люди, которые отличались своими добродѣтями на землѣ, сидятъ и наслаждаются вѣчнымъ невыразимымъ умственнымъ наслажденіемъ о Божьемъ величіи. Каждая душа изъ мужскаго и женскаго пола имѣетъ свое назначенное мѣсто. Праведники и добрые люди сидятъ въ золотыхъ и брилліантовыхъ креслахъ, ближе къ Господу Богу, другіе-же, которые, по грѣхамъ своимъ, того не заслуживаютъ, — стоятъ поодаль: это для нихъ непереносимый стыдъ предъ прочими навсегда.

Теперь сообщу я нѣсколько свѣдѣній о болѣзняхъ, господствующихъ въ горскомъ еврейскомъ населеніи, о способахъ ихъ пользованія, а также объ обрядахъ, сопровождающихъ у этихъ евреевъ смерть и погребеніе.

Болѣзни у нихъ бываютъ различныя, не во всѣхъ мѣстностяхъ одинаковыя, но большею частью они болѣютъ лихорадками и глазами, также золотухою и бугорчаткою, въ особенности въ Кумыкскомъ округѣ, въ деревняхъ Андреевой, Аксаевской и Костекъ, по причинѣ узкихъ улицъ, тѣсныхъ жилищъ и ихъ нечистоты.

Если кто заболѣетъ, то они прибѣгаютъ къ своимъ бабьимъ средствамъ, а иногда призываютъ аульнаго знахаря, и рѣдко-рѣдко случается, чтобъ они довѣрили больного окружающему медику. Чаше призываютъ цирюльниковъ, пріѣзжающихъ изъ Персіи. Эти послѣдніе имѣютъ свои лекарства, приготовляемые изъ разныхъ травъ; для продажи ихъ они нанимаютъ лавку на базарѣ. Всѣ медикаменты ихъ заключаются въ большомъ мѣшкѣ и завязаны въ грязныхъ тряпкахъ. Такіе медики, повидимому, нигдѣ не учились, не имѣютъ никакого понятія о медицинѣ и только знаютъ по практикѣ разныя врачебныя средства. Къ та-

кимъ незнающимъ и полудикимъ азіатцамъ горскіе евреи питаютъ полное довѣріе; ученые-же медики не имѣютъ у нихъ никакого авторитета: они презираютъ лекарства, прописываемыя ими, полагая, что въ эти лекарства они виѣшиваютъ свинину или другія тrefныя вещи, т. е. запрещенныя по закону Моисея.

Во время болѣзни обязаны всѣ односельцы навѣщать больного, почти каждый день. Когда-же больной умретъ, тотчасъ-же собирается цѣлое общество въ домъ умершаго. Раввинъ, его ученики и нѣкоторые грамотные изъ поселянъ садятся около мертвеца. Мертвецъ лежитъ на полу, покрытъ чернымъ покрываломъ и вокругъ него горятъ свѣчи,—всѣ читаютъ псалмы Давида, а раввинъ съ учениками читаютъ мишну въ честь души, находящейся тогда въ домѣ, возлѣ тѣла ея. Усопшій лежитъ на землѣ до тѣхъ поръ, пока готовятъ для него одежду, называемую по-библейски *тахрихимъ*. Цѣлое общество сидитъ возлѣ дома умершаго или на дворѣ его и шьетъ этотъ тахрихимъ; въ то же время женщины-плакальщицы собираются на дворъ, садятся группой, въ большой кругъ, и оглашаютъ воздухъ протяжнымъ плачевнымъ напѣвомъ. Одна изъ нихъ стоитъ на колѣняхъ и расхваливаетъ достоинства умершаго; въ это время она бьетъ себя кулаками въ лицо, въ голову и въ обнаженные груди, такъ сильно, что другія женщины, сидяшія возлѣ нея, удерживаютъ руки ея съ обѣихъ сторонъ. Когда она кончаетъ одну фразу, всѣ женщины отвѣчаютъ ей словами: *huja-алла! huja-алла! о Боже! о Боже!*, бьютъ себя между тѣмъ въ голову и дѣлаютъ такія странныя гримасы и движенія, что страшно смотрѣть на нихъ. Всѣ онѣ сидятъ съ растрепанными волосами, одѣты въ весьма старыя оборванные платья, а нѣкоторые покрыты бѣлыми покрывалами. Когда стоящая въ срединѣ женщина кончаетъ свою рѣчь, то за ней изъ группы выходитъ по очереди другая и т. д. Чѣмъ болѣе онѣ при этомъ выражаютъ свои чувствованія краснорѣчивыми словами, тѣмъ больше заслуживаютъ славу у другихъ женщинъ. Оттого иная плакальщица, въ разгарѣ своего вдохновенія, совершенно теряетъ себя, глаза у нея, какъ и у другихъ плакальщицъ, горятъ огнемъ и налиты кровью, свирѣпая дикость выражается на лицѣ. Въ то время подходятъ къ нимъ нѣкоторые мужчины, по два и по три человека, слушаютъ ихъ рѣчи, киваютъ головами и рыдаютъ, какъ дѣти. Нѣсколько мнѣтъ они такъ участвуютъ въ плачѣ женщинъ, потомъ удаляются, другіе на мѣсто ихъ подходятъ и т. д. Муж-

чины также бьютъ себя кулаками въ грудь, въ голову и лицо, когда участвуютъ въ плачѣ съ женщинами. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока готовится одежда тахрихимъ для умершаго. Потомъ ставятъ палатку на полѣ и переносятъ трупъ въ нее. На полѣ раскладываютъ огонь и на немъ согрѣваютъ воду для обмыванія тѣла умершаго. Потомъ одѣваютъ его въ одежды изъ бѣлаго коленкора—сперва въ рубашку, сшитую съ башлыкомъ, а рукава вмѣстѣ съ перчатками, такъ что лицо и голова закрываются башлыкомъ, а пальцы рукъ перчатками рукавовъ; потомъ въ штаны съ чулками, вмѣстѣ сшитые, для закрыванія ногъ. Далѣе, заворачиваютъ трупъ въ талетъ, т. е. въ покрывало, которыми евреи покрываютъ себя въ синагогахъ, во время молитвы, и надѣваютъ на него бѣлый савантъ; наконецъ кладутъ трупъ на носилки, покрываютъ его или чернымъ сукномъ, или краснымъ персидскимъ шелковымъ большимъ платкомъ. Носилки бываютъ временныя и постоянныя. Временныя дѣлаютъ изъ двухъ длинныхъ толстыхъ деревянныхъ палокъ, переплетенныхъ короткими вѣтвями дерева, на подобіе лѣстницы, а постоянныя дѣлаются столяромъ и укрѣплены желѣзомъ, въ видѣ рѣшетчатого ящика, съ ножками и ручками; таковыя стоятъ постоянно въ переднихъ синагогахъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ обычаѣ временныя носилки, евреи считаютъ грѣхомъ имѣть постоянныя, ибо они живутъ съ надеждою, что настанетъ день, въ который прекратится смерть, и во-вторыхъ, они вѣрують, что если носилки стоятъ готовыми, а равно если могила вырыта безъ надобности, то непременно долженъ еще кто-нибудь умереть; поэтому, скоро послѣ похоронъ, носилки разламываютъ и бросаютъ въ огонь. Женщины провожаютъ мертваго,—съ воплями и рыданіями, съ ужаснымъ крикомъ и плачемъ, причемъ бьютъ и колотятъ себя руками въ голову, лицо и груди,—только со двора; потомъ онѣ или возвращаются назадъ, въ домъ умершаго, или расходится по своимъ домамъ и начинаютъ расхваливать тѣхъ женщинъ, которыя отличились своими рѣчами и движеніями. Мужчины-же отправляютъ съ трупомъ на кладбище, порою останавливаясь на нѣсколько минутъ, причемъ читаютъ или одну главу изъ псалтыря Давида или молитву за усопшаго. Подходя къ кладбищу, они останавливаются на нѣкоторое время на полѣ и становятся въ полукругъ: равнины читаютъ молитвы, а народъ въ это время бросаетъ въ воздухъ кусочки разломленной старой азіатской серебряной монеты, думая этимъ задобрить злыхъ духовъ. По окончаніи этого обряда,

направляются къ могилѣ. Могилы вырываются глубиною около 2¹/₂ аршинъ и болѣе; покойника кладутъ лицомъ вверхъ, покрываютъ, въ вышину одного аршина надъ нимъ, досками, чтобъ онъ могъ свободно лежать, и доски засыпаютъ землею. На могилѣ ставятъ надгробный камень съ надписью; большою частію, кромѣ имени умершаго, пишется слѣдующая фраза изъ книги пророковъ: «И много изъ спящихъ въ землѣ пробудится и встанутъ къ вѣчной жизни». Кромѣ того обозначаютъ день, въ который потребованъ (такой-то), сынъ (такого-то), въ верховный небесный судъ, число мѣсяцъ и годъ, по-еврейскому лѣтосчисленію, отъ сотворенія міра. На нѣкоторыхъ памятникахъ описываютъ добродѣтели и достоинства покойника, напр. то, что онъ дѣлалъ добро всякому, помогалъ бѣднымъ, не обидѣлъ ближняго, былъ гостепріименъ, не былъ гордъ и тому подобное.

Возвращаясь съ могилы, срываютъ три раза траву, растущую на кладбищѣ, и бросаютъ ее черезъ плечо, говоря: «Да прекратится смерть на вѣки вѣковъ, аминь!». Когда выходятъ съ кладбища, всѣ обмываютъ руки, становятся въ большой кругъ, въ средину котораго входитъ сынъ или наслѣдникъ покойника, или-же ближайшіе родственники его, если сыновей нѣтъ; раввинъ читаетъ молитву за покойника, а потомъ всѣ утѣшаютъ роднаго или родныхъ его, и оттуда отправляются въ домъ покойника. Тамъ готовится обѣдъ или ужинъ (если поздно бываютъ похороны); раввины читаютъ тамъ молитвы, мишну, талмудъ и книгу Іова, въ честь души покойника. Цѣлый мѣсяцъ, а иногда цѣлый годъ, горитъ лампа съ масломъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ душа вышла изъ тѣла, по причинѣ вышеописанной; цѣлый мѣсяцъ читаютъ тамъ молитвы по три раза въ день и по цѣлымъ днямъ до глубокой ночи женщины-плакальщицы просятся живають тамъ и плачутъ; другія женщины деревни и дѣвушки приходятъ туда, также ежедневно, участвовать въ общемъ рыданіи. Обѣдъ и ужинъ обязаны кушать въ томъ-же домѣ, и сюда каждый хозяинъ приноситъ свои кушанья. Мужчины кушаютъ отдѣльно, въ комнатѣ покойника, а женщины тоже отдѣльно; такіе общіе обѣды и ужины продолжаются тоже цѣлый мѣсяцъ. По окончаніи-же мѣсяца, наслѣдникъ покойника, или вдова, готовятъ обѣдъ и ужинъ для цѣлаго селенія; если они бѣдные, то общество помогаетъ имъ въ этомъ. Тогда опять раввины читаютъ молитвы, ради успокоенія души покойника и скорого вхожденія ея въ рай. Такія поминки возобновляютъ по окончаніи года, въ тотъ самый день,

въ который покойникъ умеръ; тогда дѣлается еще разъ всеобщій обѣдъ и ужинъ для цѣлаго общества. Трауръ по усопшему исполняютъ по установленію религіи: разрываютъ верхній кусокъ платья подъ воротникомъ, возлѣ груди, и такъ ходятъ въ разорванномъ платьѣ цѣлый годъ. Въ Кубѣ мнѣ рассказывали евреи, но я самъ не видѣлъ, что, втеченіи перваго года отъ смерти какого-нибудь молодаго храбраго человѣка, женщины не разъ берутъ его лошадь, надѣваютъ на нее сбрую, на коня садится верхомъ молодая женщина, ростомъ съ умершаго, причемъ она одѣта въ его костюмъ, съ его пистолетами, кинжаломъ и шашкою. Всѣ женщины и дѣвушки собираются и окружаютъ коня, начинаютъ при этомъ плакать, кричать и рыдать, бьютъ себя въ груди, зовутъ эту женщину его именемъ и оглашаютъ воздухъ воплями. Этими они себя воображаютъ, что покойникъ самъ сидитъ верхомъ на конѣ и одѣтъ какъ живой предъ ними. Представленіе такого рода доводитъ ихъ до экстаза. Вообще, женщины горскихъ евреевъ очень склонны къ плачу и ищутъ случая, для того чтобы было о чемъ поплакать. Такъ, когда я объѣзжалъ при-каспійскій край и Терскую область, я вездѣ встрѣчалъ женщинъ, оплакивающихъ покойниковъ. Онѣ говорятъ: «у насъ такой адатъ,—когда мы выплачемся, то на сердцѣ легче дѣлается». Помяну, напр., что по пріѣздѣ моемъ въ сел. Янги-вентъ, лежащее недалеко отъ сел. Маджалиса, въ Кайтаго-Табасаранскомъ округѣ, я услышалъ издали пѣніе женщинъ; съ тамошнимъ равниномъ я отправился по тому направленію, откуда оно слышалось, и спросилъ раввина, что это за пѣніе? Онъ мнѣ отвѣтилъ, что это не пѣніе, а плачъ женщинъ. И дѣйствительно, когда мы подошли поближе, то увидѣли, что почти всѣ женщины деревни сидятъ въ живописной группѣ и плачутъ съ такой странной методіей, что издали казалось будто онѣ пѣли; ихъ глаза уже опухли отъ рыданія и всѣ онѣ были избиты страшнымъ образомъ. Я спросилъ ихъ, давно-ли умеръ тотъ, котораго онѣ оплакиваютъ? Представьте мое удивленіе, когда я услышалъ, что уже 25 лѣтъ прошло послѣ смерти оплакиваемаго!

Кромѣ наклонности къ такому странному оплакиванію покойниковъ, я замѣтилъ еще, что горскія еврейки любятъ заводить между собою перебранки, доходящія до схватокъ. Во всѣхъ почти еврейскихъ деревняхъ въ горахъ, пришлось мнѣ видѣть ссоры и драки между прекраснымъ поломъ. Мужчины въ этомъ отношеніи гораздо скромнѣе. За какую-нибудь мелочь, еврейки

могутъ поссориться между собою, причемъ поднимаютъ крикъ и шумъ. Смѣшно смотрѣть, какъ онѣ бранятся, — одна противъ другой киваютъ тѣлами, махаютъ руками на всѣ стороны и кричать изо всѣхъ силъ, проклиная одна другую. Подобныя ссоры происходятъ и среди улицъ, и на крышахъ саклей; съ большимъ трудомъ мужчины разгоняютъ ссорящихся по домамъ. Но, упомянувши объ этой слабой сторонѣ горскихъ евреекъ, я долженъ сказать, что онѣ вообще добросердечны. Онѣ душевно рады принять гостя, услужить и угодить ему. Онѣ вообще весьма трудолюбивы — занимаются хозяйствомъ, приготовленіемъ пищи, присмотромъ за домашнимъ скотомъ, рубкою дровъ, носятъ на себѣ въ кувшинахъ воду, — богатые и бѣдные, безъ различія; онѣ также занимаются шитьемъ одежды для всѣхъ членовъ семейства, какъ для женщинъ, такъ и для мужчинъ. Въ свободное отъ домашнего хозяйства время, онѣ ткутъ разноцвѣтные шнурки для продажи, занимаются сушеніемъ табаку и другими разными работами. Между ними попадаются искусныя рукодѣльницы, которыя вышиваютъ кисеты для табаку и денегъ, бисеромъ, съ разными украшеніями, а также изготовляютъ различныя принадлежности женскихъ уборовъ. Кромѣ всего этого, женщины занимаются печеніемъ хлѣба. Печки для хлѣба устроены только у нѣкоторыхъ хозяекъ, для всей деревни; этими печами пользуются и остальные хозяйки. Большею частію пекутъ онѣ хлѣбъ только разъ въ недѣлю, подъ праздникъ, но иногда случается, что пекутъ и въ другіе дни недѣли, въ особенности, когда пріѣзжаетъ къ нимъ гость. Печки эти устроены въ особой комнатѣ, пли-же на дворѣ, возлѣ дома. Это большія ямы, сдѣланныя въ землѣ и обмазанныя глиною и известью. Каждая хозяйка приноситъ туда хворостъ и одно-другое полѣно дровъ для топки, также приноситъ съ собою готовое тѣсто, изъ котораго дѣлаютъ чуреки, приплывая ихъ къ внутреннимъ стѣнамъ ямы, въ какомъ положеніи они и выпекаются. Возлѣ такихъ печей собирается много женщинъ, и каждая ожидаетъ своей очереди, а между тѣмъ, въ ожиданіи ея, разсказываютъ сказки, новости и разныя сплетни, болтаютъ безъ умолку, хохочутъ, шепчутся, повѣряя иногда другъ другу любовныя свои интрижки.

Между молодыми женщинами встрѣчаются франтихи, которыя красятъ себѣ волосы и брови. Встрѣчалъ я и такихъ, которыя разрисовываютъ себѣ лицо, возлѣ глазъ и на щекахъ: онѣ рисуютъ красками разныя фигуры, въ родѣ маленькихъ ша-

риковъ и кривыхъ линій, чернаго, краснаго и каштановаго цвѣта, и въ такомъ видѣ онѣ весьма похожи на дикарокъ. Заднюю косу онѣ постоянно носятъ въ длинномъ шелковомъ мѣшкѣ, похожемъ на рукавъ. Этотъ рукавъ на головѣ, подъ покрывальнымъ платкомъ, виситъ сзади плечъ, какъ хвостъ.

IV.

Свадьба у горскихъ евреевъ. Одежды и наряды, мужскіе и женскіе. Обряды при рожденіи дѣтей мужескаго пола. О древнихъ именахъ мужескаго и женскаго пола. Богослуженіе и молитвенные дома.

Горскіе евреи совершаютъ брачныя союзы большею частію между своими родственниками, рѣже съ своими единовѣрцами изъ другихъ ауловъ. Дѣвушка 12-ти лѣтъ и далѣе уже выдается замужъ. Помолвка дѣлается у нихъ съ младенчества. Иногда два друга или родственника, когда у одного родился сынъ, а у другаго дочь, заключаютъ между собою нѣчто въ родѣ брачнаго условія, въ томъ, что дѣти ихъ уже считаются засватанными. Въ тотъ день они пируютъ. Когда дѣти вырастаютъ, то изъ дома невѣсты, или сама невѣста, посылаетъ каждую субботу жениху подарокъ, а женихъ въ свою очередь посылаетъ подарокъ невѣстѣ, также каждую субботу. Подарки состоятъ изъ различныхъ фруктовъ и субботнихъ кушаньевъ. Невѣста должна непременно попробовать кушаній, приготовляемыхъ въ домѣ жениха, а женихъ долженъ попробовать кушаній, приготовляемыхъ въ домѣ невѣсты. Сверхъ этихъ подарковъ, женихъ посылаетъ невѣстѣ часто и другіе подарки, какъ напр., что-нибудь изъ предметовъ одежды и разныя золотыя и серебряныя вещи для украшенія. Невѣста-же вышиваетъ жениху кисеты для табаку, арахчины, т. е. ермолки, обдѣланныя въ азіатскомъ вкусѣ, съ галунами, бисеромъ и мишурными украшениями. Кто приноситъ невѣстинѣ подарокъ жениху, тому даетъ женихъ подарокъ за труды. Женихъ завязываетъ монету въ платокъ, въ которомъ былъ не-

вѣстинъ подарокъ, и отсылаетъ это секретно къ невѣстѣ. Женихъ называется *арасъ* (халдейское слово, означаетъ «засватанный»); невѣста называется *аруса* (тоже слово халдейское, означаетъ «засватанная»). Втеченіи времени отъ обрученія до свадьбы, которое продолжается нѣсколько лѣтъ, невѣста, лишь только увидитъ своего жениха или кого-нибудь изъ его родственниковъ, должна сейчасъ-же присѣсть на землю, закрыть лицо свое платкомъ, а женихъ, увидѣвши невѣсту или ея родныхъ, отъ стыда стѣсняется даже говорить. Втеченіи сказаннаго времени, когда случается посторонняя свадьба, на которую женихъ и его невѣста обое приглашены, то женихъ дѣлаетъ тамъ для своей невѣсты *шабашъ*. Шабашъ дѣлается такимъ образомъ: женихъ даетъ нѣсколько монетъ распорядителямъ танцамъ; эти распорядители берутъ сперва одну монету и объявляютъ громкимъ голосомъ слѣдующее: «Арасъ, филонкезъ, биръ монать шабашъ айлади», т. е. женихъ такой-то далъ одну монету для танца и круженія. Всѣ молодые люди отвѣчаютъ затѣмъ громко: «гой шабашъ! гой шабашъ!» вотъ и танецъ! вотъ и танецъ! т. е. скоро и потанцуемъ! Потомъ опять распорядители танцами кричатъ: вотъ еще монета въ честь приглашенныхъ гостей, и молодежь опять отвѣчаетъ: гой шабашъ! гой шабашъ! Потомъ распорядители танцами еще разъ говорятъ: вотъ еще монета въ честь музыкантовъ (зурначей), а молодежь опять отвѣчаетъ: гой шабашъ! гой шабашъ! Послѣ этого распорядители опять говорятъ: еще монета въ честь всего общества, а молодежь отвѣчаетъ громко: гой шабашъ! гой шабашъ! Тогда зурначи начинаютъ играть, съ акомпаниментомъ барабановъ, невѣста танцуетъ, а распорядители танцами и молодые люди пригаютъ кругомъ невѣсты. За мѣсяцъ до бракосочетанія, приходитъ отецъ жениха съ двумя свидѣтелями въ домъ невѣсты, отдать отцу ея опредѣленную выкупную сумму денегъ, которую согласился женихъ выплатить за невѣсту. Отецъ невѣсты дѣлаетъ за эту сумму своей дочери одежды и наряды; если-же онъ хочетъ, то беретъ эту сумму себѣ и требуетъ у жениха, чтобы онъ выплатилъ ему еще столько, сколько издержано на воспитаніе невѣсты, съ младенчества ея до свадьбы; иногда-же, сверхъ суммы жениха, онъ самъ еще прибавляетъ какую-либо сумму въ приданое своей дочери,—все зависить отъ доброй воли отца невѣсты. Въ старину былъ у нихъ адатъ, что женихъ долженъ былъ дать отцу невѣсты предъ свадь-

бой 1 корову, 12 рубъ (18 пудовъ) пшеницы, 2 рубы (3 пуда) сарачинскаго пшена, 20 курицъ, 3 аршина шелковой матеріи и 1 бѣлую простыню; въ настоящее время, онъ даетъ только 10 курицъ, 1 рубу (1 $\frac{1}{2}$ пуда) сарачинскаго пшена, 3 аршина шелковой матеріи и 1 бѣлую простыню.—Брачное условіе, или свадебный контрактъ, заключаетъ раввинъ, въ присутствіи родителей жениха и невесты и при свидѣтеляхъ. Въ условіи говорится, что мужъ долженъ кормить и одѣвать жену, жить честно и хорошо съ нею, въ случаѣ-же развода, когда того захочетъ мужъ, онъ обязанъ выплатить ей сумму, по обычаю (если онъ женился на дѣвушкѣ, то слѣдуетъ ей 35 руб. сер., если-же на вдовѣ или на разводной, то 15 руб., кромѣ того разводной остается та одежда, которую женихъ ей сдѣлалъ до брака); если-же причиною развода будетъ жена, то она должна возратить мужу всю одежду, исправленную имъ ей на свадьбу, и родители ея должны выплатить ему все расходы, издержанные имъ на свадьбу. Все европейскіе евреи, по обычаю и установленію Европы, имѣютъ только по одной женѣ; но по закону Моисея не запрещается многоженство, а потому горскіе евреи, по закону и обычаю своихъ предковъ, а также по примѣру тѣхъ мусульманскихъ племенъ, между которыми они живутъ, имѣютъ и болѣе, чѣмъ по одной женѣ, но не болѣе трехъ.

За недѣлю до свадьбы, женихъ приготовляетъ кушанье для раздачи тѣмъ лицамъ, которые находятся въ траурѣ по своимъ роднымъ, умершимъ въ томъ году; это дѣлается въ тѣхъ видахъ, чтобы они дали ему позволеніе сдѣлать свадьбу въ ихъ траурное время, ибо безъ такого позволенія нѣтъ обычая играть свадьбу.

Въ началѣ этой недѣли, предъ свадьбой, невеста требуетъ къ себѣ двухъ дѣвушекъ изъ своихъ подругъ,—онѣ должны прислуживать ей, помогать шить ея свадебныя одежды и находиться при ней до бракосочетанія ея; онѣ получаютъ наименованіе *содуши*, т. е. прислужницы. Въ субботу вечеромъ, эти двѣ содужи отправляются ко всемъ дѣвушкамъ по деревнѣ звать ихъ къ невестѣ, причемъ онѣ говорятъ: дѣвушка такая-то (ими ея и имя ея отца), приходите спать къ невестѣ (имя ея и имя отца ея): васъ просятъ.—Дѣвушки, собравшіяся къ невестѣ, должны оставаться у ней до выхода ея замужъ. Обыкновенно совершаютъ бракъ въ среду, вечеромъ, и очень рѣдко въ четвергъ и пятницу. Отъ воскресенья до среды, все дѣвушки сидятъ у невесты по

цѣлымъ днямъ; тамъ онѣ кушаютъ, поютъ и танцуютъ. Втеченіи этихъ трехъ дней, каждое утро и вечеръ, невѣста съ дѣвушками выходитъ на крышу своей сакли и тамъ онѣ поютъ татарскія пѣсни. Когда кончаютъ пѣть на саклѣ, невѣста отправляется съ визитами къ тѣмъ родственникамъ своимъ, которыхъ она приглашаетъ на свадьбу. Она рассказываетъ въ сопровожденіи дѣвицъ по улицамъ деревни, съ пѣніемъ, игрою на барабанахъ и съ танцами, и заходить по домамъ приглашаемыхъ; тамъ принимаютъ ее весьма хорошо. Послѣ угощенія, приглашаемые даютъ невѣстѣ подарки, и она, съ своими дѣвицами, какъ прежде, съ музыкою, танцами и пѣніемъ, возвращается къ себѣ домой. Такъ проводитъ время невѣста втеченіи послѣднихъ трехъ дней до свадьбы.

Теперь посмотримъ, что дѣлается у жениха. Втеченіи этой же самой недѣли, къ жениху собираются женщины изъ его фамиліи, шить и готовить ему одежды къ свадьбѣ, за что онѣ ихъ угощаютъ и дарятъ имъ разные подарки, какъ напр. шелковые рубашки и платки. Въ четвергъ вечеромъ, къ жениху приходятъ два шафера, называемые *бирорами* (если же одинъ изъ этихъ бироровъ есть братъ жениха, то онъ называется *думоромъ*). Эти два думора или бирора должны неотлучно находиться при женихѣ до субботы. Въ пятницу, готовятся кушанья для гостей, и вечеромъ, послѣ молитвы, отправляются оба шафера къ жителямъ деревни, приглашать ихъ къ жениху, и говорятъ тамъ молодымъ парнямъ, еще холостымъ, когда такіе находятся въ какомъ-либо домѣ: «Кто еще не былъ вѣнчанъ, да будетъ у него вѣнчанье такое-же,—къ жениху пожалуйте!» За это приглашеніе тамъ ихъ хорошо угощаютъ. Приглашенные собираются въ домъ жениха и пируютъ до глубокой ночи. Въ субботу, послѣ утренней молитвы, шафера приглашаютъ всѣхъ домохозяевъ еще разъ къ жениху на угощеніе. Въ старину былъ обычай, что въ субботу утромъ приходили къ жениху только одни старики, но теперь приходятъ всѣ мужчины, безъ исключенія; тамъ они веселятся до полудня. Въ полдень мужчины уходятъ, а вмѣсто нихъ являются женщины; онѣ поютъ и танцуютъ тамъ до вечера.

Въ воскресенье, отправляются молодые люди въ лѣсъ, набирать дровъ для топки и приготовленія свадебныхъ надобностей. Когда привозятъ эти дрова на своихъ ешакахъ, то женихъ привязываетъ платокъ каждому ешаку на голову,—подарокъ хозяйну ешака за труды.

Въ понедѣльникъ, вечеромъ, всѣ молодые люди, которые при-

везли дрова, собираются къ жениху, и тамъ они гуляютъ цѣлый вечеръ. Еще за день до этого, приходятъ музыканты (зурначи и барабанщики); женщины и дѣвушки встрѣчаютъ ихъ на улицѣ съ радостью: каждая женщина выноситъ имъ на встрѣчу посуду съ чуреками, держа ее на головѣ. Когда музыканты входятъ во дворъ жениха, всѣ дѣвушки начинаютъ пѣть и плясать, а старухи бьютъ въ ладоши, подъ оглушительные звуки зурначей и барабанщиковъ. Такъ гуляютъ въ домѣ жениха до среды.

Во вторникъ, готовится въ домѣ невесты обѣдъ, состоящій изъ плова и курицъ, взятыхъ у жениха, для всѣхъ жителей деревни; въ числѣ ихъ находятся отецъ и братья жениха, но самъ женихъ тамъ не бываетъ. По окончаніи обѣда, который продолжается до вечера, всѣ отправляются оттуда къ жениху; тамъ забираютъ всѣ одежды, наряды и подарки, которые женихъ приготовилъ своей невестѣ, и относятъ ихъ къ невестѣ, съ особымъ церемоніаломъ, который совершается такимъ образомъ: каждый мужчина беретъ изъ дома жениха факель, чтобы освѣщать улицы, а женщины берутъ большой круглый мѣдный подносъ, на который кладутъ двѣ килы (около двухъ гарнцевъ) сарачинскаго пшена и двухъ куръ, на нихъ-же кладутъ всѣ подарки жениха для невесты; этотъ подносъ поднимаетъ одна женщина и ставитъ его на свою голову; держащіе факелы идутъ впереди, а за ними слѣдуетъ эта женщина съ подносомъ; за ней другія женщины несутъ на головахъ своихъ подносы съ чуреками; затѣмъ идутъ зурначи и барабанщики и играютъ; за музыкантами слѣдуетъ остальной народъ съ факелами, крича: ура! Старики и старухи танцуютъ, а дѣвушки поютъ всю дорогу, до прибытія къ дому невесты. Оттуда выходятъ имъ навстрѣчу, принимаютъ отъ нихъ факелы и ставятъ ихъ на дворѣ; музыканты играютъ, всѣ танцуютъ, а молодые люди, въ честь невесты, стрѣляютъ изъ своихъ ружей и кричатъ: ура! Изъ тѣхъ двухъ килъ пшена и двухъ курицъ, которыя женихъ послалъ невестѣ, готовится закуска для согдушей и дѣвушекъ, находящихся неотлучно при невестѣ. Въ тотъ самый вечеръ, эти дѣвушки цѣлую ночь поютъ и увеселяютъ невесту и говорятъ ей: «*Ја шевла мѣмунъ дадай, ја дукла русмунъ дадай,*» т. е., только этотъ вечеръ ты гостя у матери твоей, еще послѣднее веретенце осталось тебѣ выпрясть для матери твоей,—потому что завтра среда,—она послѣ свадьбы оставитъ домъ родныхъ и перейдетъ въ домъ мужа. Невѣста въ тотъ вечеръ одѣвается во всѣ лучшіе наряды свои, а сверху за-

крывається шелковымъ платкомъ; двѣушки поютъ и танцуютъ у ней до полуночи. Въ этотъ вечеръ также въ обычаѣ выкрашивать невѣсту и подругъ ея, т. е. ихъ руки и пальцы, красною краскою.

Въ среду, утромъ, отправляются шафера и музыканты ко всѣмъ хозяевамъ за полученіемъ отъ нихъ подарковъ, какъ напр., табаку, вина, платковъ и т. п. Потомъ они приходятъ къ молодымъ женщинамъ, которыя въ тотъ годъ вышли за-мужъ, и берутъ ихъ въ домъ жениха (потому что со дня ихъ свадьбы до этихъ поръ онѣ еще не выходили изъ дома, ибо почти полгода послѣ свадьбы онѣ стыдятся выходить на улицу). Когда эти молодницы приходятъ въ домъ жениха, въ то время двѣ женщины изъ того дома даютъ мимическое представленіе. Одна изъ нихъ одѣта какъ мужчина, вооружена съ ногъ до головы и держитъ палку въ рукѣ; лицо ея покрыто платкомъ, а на головѣ папаха; другая одѣта какъ обыкновенная татарка; онѣ обѣ танцуютъ, прыгаютъ и цадуются. Тутъ музыка начинаетъ играть и народъ окружаетъ ихъ. Женщина, которая одѣта по-мужски, разгоняетъ его палкою своею, но въ это время кто-нибудь изъ народа похищаетъ другую женщину, ея любовницу, и потомъ прячутъ ее гдѣ-нибудь; одѣтая по-мужски ищетъ ее и, не находя, начинаетъ сильно плакать, бьетъ себя въ голову и въ грудь и падаетъ на землю въ обморокъ. Въ то время является любовница и, увидѣвши ее лежащею въ обморокъ, подходитъ къ ней, разсматриваетъ ее осторожно, не дышетъ-ли она, плачетъ, рыдаетъ, бьетъ себя кулаками въ груди и голову, какъ-бы оплакивая своего любовника или мужа. Скоро мертвый поднимается съ земли, — она радуется, обнимаетъ его и целуетъ; потомъ обѣ начинаютъ своими палками разгонять и бить народъ, отчего поднимается страшный и дикій смѣхъ; всѣ хохочутъ, бьютъ въ ладоши и кричатъ: ура!

Въ тотъ день (среду) женихъ и невѣста постятъ, т. е. они ничего не ѣдятъ и не пьютъ цѣлый день. Въ то время, когда женихъ брѣетъ свою голову, молодые люди выѣзжаютъ на своихъ лошадяхъ, разгуливаютъ по деревнѣ и джигитуютъ. Когда женихъ окончитъ бритье головы, ему подають лошадь; онъ садится на нее и вскачь пускается къ своимъ товарищамъ, и когда онъ подъѣзжаетъ къ нимъ, они всѣ встрѣчаютъ его съ большимъ радушіемъ, крича ему: «Ой атланъ, атланъ гювъ, Темиръ-ханъ атланъ гювъ!» т. е. ты, женихъ, ѣдешь на конѣ сво-

емъ, какъ Темиръ-ханъ ѣздилъ во время своего царствованія! Когда женихъ проѣзжаетъ мимо домовъ деревни, то всѣ женщины выбѣгаютъ изъ своихъ саклей и бросаютъ муку на его плечи. Потомъ женихъ пускается вскачь впередъ, вся молодежь за нимъ вслѣдъ, прямо къ берегу рѣки, — тамъ женихъ купается, а молодые люди надѣваютъ на него вѣнчальные одежды, кладутъ ему на лобъ немного перегорѣвшаго пепла, въ знакъ траура по Іерусалиму, и поютъ всѣ вмѣстѣ плачевнымъ тономъ 137 псаломъ Давида: «На рѣкахъ Вавилонскихъ, мы сидѣли и плакали, вспоминая Сіонъ и пр. Въ то самое время, невѣста должна также выкупаться или въ рѣкѣ, или въ сдѣланной нарочно для такой цѣли у евреевъ купальнѣ, называемой *миква* *). Когда женихъ одѣнется, молодые люди закусываютъ тѣмъ, что они съ собою привезли; но женихъ не участвуетъ въ этой закускѣ, по причинѣ поста, какъ я выше сказалъ. Когда они всѣ готовы возвратиться, женихъ говоритъ имъ: «Кто желаетъ изъ васъ поскакать и прилетѣть поскорѣе къ невѣстѣ, извѣстить ее, что я уже совсѣмъ готовъ?» Два или три изъ нихъ пускаются какъ стрѣлы, и кто скорѣе успѣетъ прискакать къ невѣстѣ и передать ей это извѣстіе, тотъ получаетъ отъ нея шелковый платокъ; этотъ платокъ привязываютъ на шею коня, а на лбу его разбиваютъ яйцо, чтобы коню не повредилъ дурной глазъ. Второй и третій, прискакавшіе послѣ, получаютъ по одной курицѣ и по кувшинчику вина. Когда женихъ самъ вѣзжается въ селеніе, съ своими проводниками, то всѣ жители деревни выходятъ къ нему на встрѣчу съ виномъ и шашлыками, угощаютъ ими его проводниковъ и пьютъ за здоровье жениха, цалуя его въ голову, а остальное раздаютъ бѣднымъ семействамъ. Тутъ женщины, изъ фамиліи жениха, подходятъ къ нему, неся на головахъ своихъ подносы, на которыхъ лежатъ чурекъ, а въ чурекъ вставлены восковыя тоненькія свѣчи, нѣкоторыя же держатъ еще свѣчъ въ рукахъ. Между этими женщинами стоитъ *енга*, т. е. сестра жениха или одна изъ ближайшихъ его родственницъ; ея обязанность стоять возлѣ жениха со свѣчкою въ рукѣ и пѣть до вечера: «ой атланъ, атланъ гіовъ, Темиръ-ханъ атланъ гіовъ!» Всѣ женщины танцуютъ въ присутствіи жениха. Тогда раввинъ, съ своими учениками, подходитъ къ нему и поетъ слѣдующую пѣсню: **)

*) Древне-еврейское слово и означаетъ: собраніе воды въ одномъ мѣстѣ.

**) Переводъ съ древне-еврейскаго стихотворенія.

Израильтине, пойте въ честь жениха пѣсню,—женихъ радуется своею невѣстою, невѣста радуется своимъ женихомъ. Аллілуіа! Аллілуіа!

Женихъ сіиетъ, какъ утренняя звѣзда, и невѣста прекрасна, какъ царица, — да будутъ они оба сіять утромъ и вечеромъ, постоянно, въ израильскомъ народѣ.

Израильтине, и пр.

Божеское благорасположеніе да будетъ къ намъ во время жениха и невѣсты, — да будетъ радость и веселье въ израильскомъ народѣ.

Израильтине, и пр.

Избавитель отъ всѣхъ бѣдъ да прибудеть во время жениха и невѣсты, оцажетъ подвиги, какъ Іонафанъ, — и доживемъ мы до пира левіаана *) въ храмѣ іерусалимскомъ.

Израильтине, и пр.

Женихъ и невѣста, какъ звѣзды, блескятъ, — да будутъ благословенны они Богомъ Израили!

Израильтине, и пр.

Женихъ въ кругу своемъ какъ царь, — бесѣда его усладительна. И невѣста его — какъ Сара, дорогая мать израильскаго народа.

Израильтине, и пр.

Всѣ дѣла его добры и справедливы, да спасетъ его Богъ отъ всѣхъ бѣдъ! И невѣста его, какъ Ревекка, да заслужитъ славу въ израильскомъ народѣ.

Израильтине, и пр.

Да проживетъ женихъ долго и невѣста да будетъ благословенна до тѣхъ поръ, пока вспомнитъ Царь Небесный о бѣдномъ разстѣнномъ израильскомъ народѣ.

Израильтине, и пр.

*) По вѣрованію простаго народа изъ евреевъ, во время пришествія Мессіи, Богъ сдѣлаетъ большой пиръ для праведниковъ; на этомъ пирѣ будетъ большое блюдо изъ кита, называемаго евреями левіаанъ. Простой народъ полагаетъ, что левіаанъ занимаетъ свою величійную весъ океанъ и что его мяса достаточно будетъ для всѣхъ праведниковъ міра.

Женихъ очень милостивъ, душа его весьма добра, и невѣста его, какъ Лія, да оставитъ по себѣ имя въ израильскомъ народѣ.

Израильтяне, и пр.

Да будетъ онъ счастливъ, ибо его грѣхи сегодня Богомъ прощены *), и невѣста его да будетъ какъ Рахиль, жена Іакова, отца и патріарха израильскаго народа.

Израильтяне, и пр.

Да снабдитъ его Господь всѣмъ добромъ и да отмститъ его врагамъ, а невѣста его да будетъ какъ Іохеведъ, мать Моисея, пророка и законодателя израильскаго народа.

Израильтяне, и пр.

Женихъ вѣнчанъ, какъ царь, и одѣтъ въ лѣпоту,—да будетъ онъ сіять, какъ звѣзда, въ израильскомъ народѣ.

Израильтяне, и пр.

Во время его да распространится ученіе, какъ свѣтлые лучи солнца, и невѣста его да будетъ какъ Дебора, вѣрная правительница израильскаго народа.

Израильтяне, и пр.

Невѣсту онъ выбралъ благочестивую: она хороша, какъ Милка, мать Беѳуила.

Израильтяне, и пр.

Женихъ сіяетъ, какъ луна,—да будетъ онъ жить сто лѣтъ, и его невѣста да будетъ какъ Анна, мать пророка Самуила.

Израильтяне, и пр.

Помоги намъ, Боже, чтобы мы во время жениха увидѣли возобновленіе нашего храма на святой горѣ Моріи, и невѣста его да будетъ какъ Авигайлъ, мать пророка Даніила.

Израильтяне, и пр.

**) По вѣрованію евреевъ, въ день бракосочетанія подъ балдахиномъ, прощаются Богомъ жениху всѣ грѣхи, какіе онъ сдѣлалъ съ 13-го года до свадьбы, ибо за грѣхи отъ рожденія до 13-го года отвѣтствуютъ родители.

Женихъ нашъ веселъ, Богъ простилъ ему грѣхи, и невѣста—какъ Эсфирь, дочь Авигаила, спасагоа израильскій народъ. Израильтяне, и пр.

Помогите пѣть въ честь жениха и невѣсты, кои обоа чисты отъ грѣховъ, сѣиють и блестятъ въ израильскомъ народѣ. Израильтяне, и пр.

Пой и ты, женихъ, выѣстъ съ твоею невѣстою; радость ваша теперъ велика; обрадуйте также и увеселите израильскій народъ.

Израильтяне, и пр.

Женихъ высокъ, какъ кедръ ливанскій: да поможетъ ему Богъ Всемилостивый съ нами выѣстъ повеселиться въ храмѣ іерусалискомъ.

Израильтяне, и пр.

Повеселите всѣ нашего жениха и его невѣсту,—да процвѣтутъ они, какъ розы и цвѣты душистые, и да доживемъ воѣ увидѣтъ святыи градъ Іерусалимъ — мѣстопребываніе нѣбога Іеговы, Бога израильскаго народа.

Израильтяне, и пр.

Благослови ихъ, Боже, съ высоты Твоей, и да будутъ дѣти ихъ и внуки людьми благочестивыми, добрыми, честными и богобоязливыми въ средѣ израильскаго народа.

Израильтяне, и пр.

Раввинъ кончаетъ эту пѣсню и провожаетъ, съ своими учениками, жениха домой; тамъ предъ женихомъ танцуютъ старики и старухи,—и этотъ обычай у нихъ весьма древній. Въ то время раввинъ, отецъ жениха, его остальные сыновья, старшина съ депутатами отъ общества, всѣ отправляются къ невѣстѣ, повѣрять по счету весь гардеробъ ея, вещи, посуду, постель, а также деньги и вообще все приданое ея. Когда окончатъ оцѣнку и повѣрку (эта оцѣнка необходима для внесенія ея въ условіе, на случай развода), всѣ они возвращаются къ жениху и ведутъ его съ собою къ тѣмъ лицамъ, которыя носятъ трауръ въ томъ году по умершимъ своимъ родственникамъ. Женихъ долженъ еще разъ просить у нихъ извиненія и разрѣшенія на

свадьбу. Дѣло понятное, — его хорошо и ласково принимаютъ, дарятъ ему еще подарки, и онъ, цалуя руки у хозяевъ, уходитъ съ своими провожатыми домой, откуда ведутъ его уже въ домъ невѣсты. Тамъ для него готово особое мѣсто; возлѣ него садится вся молодежь и почетные старики. Въ то время входятъ мать невѣсты. По обычаю, она должна подойти къ жениху, держа въ рукахъ новую папаху, серебряный поясъ и красный шелковый платокъ. Женихъ тотчасъ встаетъ съ мѣста, сложивъ руки на крестъ на груди, наклоняетъ голову и стоитъ предъ нею, какъ подчиненный, цалуетъ руки ея и хочетъ упасть на колѣни, но она не допускаетъ его до этого. Она надѣваетъ папаху на его голову, опоясываетъ его серебрянымъ поясомъ и навѣшиваетъ на поясъ красный шелковый платокъ, цалуетъ его въ голову и затѣмъ танцуетъ съ нимъ немного. Въ эту минуту молодежь кричитъ: гой шабашъ! гой шабашъ! Мать невѣсты уходитъ, а старики и старухи, изъ фамиліи невѣсты, начинаютъ танцовать предъ женихомъ, по обряду своихъ предковъ; послѣ танца они цалуютъ его въ голову и дарятъ ему подарки. Въ то время невѣста сидитъ въ особой комнатѣ, окруженная своими согдушами и дѣвками, которыя поютъ различныя пѣсни, бьютъ въ ладоши и въ барабаны. Между тѣмъ, на дворѣ готовъ уже балдахинъ, который составленъ изъ четырехъ длинныхъ палокъ, накрытыхъ большимъ шелковымъ платкомъ; молодые люди держатъ эти палки, другіе окружаютъ балдахинъ, держа въ рукахъ зажженные нефтяные факелы; женщины-же держатъ въ рукахъ восковыя свѣчки.

Подъ этотъ балдахинъ подводятъ жениха; отецъ его съ равниномъ заходятъ также къ жениху подъ балдахинъ, и всѣ ожидаютъ невѣсты. Тогда братъ невѣсты отирается и зоветъ ее къ вѣнчанію, а согдуши берутъ и ведутъ ее къ балдахину. — Такъ бываетъ въ такомъ случаѣ, когда вѣнчаніе происходитъ на дворѣ невѣсты. Когда-же вѣнчаніе бываетъ на дворѣ синагоги, то, въ такомъ случаѣ, невѣста должна ѣхать туда верхомъ, на хорошемъ конѣ, братъ-же ея долженъ вести этого коня; согдуши ея должны провожать ее, также верхомъ на лошадахъ, и держать зажженные свѣчи въ рукахъ. Когда невѣста подойдетъ подъ балдахинъ, въ сопровожденіи своихъ согдущъ, тогда отецъ и братья ея также подходятъ подъ балдахинъ. Раввинъ исполняетъ всѣ обряды вѣнчанія точно такъ-же, какъ и у европейскихъ евреевъ, т. е. по релігіознымъ установленіямъ талмудистовъ; разница только въ томъ, что у европейскихъ евреевъ невѣста обходитъ

кругомъ жениха семь разъ, а у горскихъ евреевъ такого обычая не существуетъ. Когда раввинъ прочтетъ всѣ молитвы и брачныя условія, тогда вся публика кричитъ громкимъ голосомъ: ура! Согнувши выводятъ невесту изъ-подъ балдахина, братъ ея подсаживаетъ ее на коня, и въ это время всѣ молодые люди начинаютъ стрѣлять, одинъ за другимъ, въ честь новобрачныхъ. Сестра невесты, называемая енгой, должна ѣхать также верхомъ, на другомъ конѣ, позади невесты, и держать свѣчку въ рукѣ. Если-же у невесты сестры нѣтъ, то должна другая дѣвушка, изъ ближайшихъ ея родственницъ, исполнить обязанность енгы. Братъ ведетъ коня, на которомъ сидитъ невеста, и всѣ дѣвушки провожаютъ ее пѣшкомъ, до самого дома жениха. Когда невеста отправляется, женихъ еще остается подъ балдахиномъ, и раввинъ съ учениками поютъ тогда слѣдующую пѣсню *):

Адамъ въ нарядѣ обвѣнчался съ Евою,—онъ знаменитъ между мужами, она знаменита между женами **).

Ной въ нарядѣ обвѣнчался съ Наамюю.

Авраамъ въ нарядѣ обвѣнчался съ Сарою.

Исаакъ въ нарядѣ обвѣнчался съ Ревеккою.

Іаковъ въ нарядѣ обвѣнчался съ Лією и Рахилью.

Іосифъ въ нарядѣ обвѣнчался съ Оснатою.

Моисей въ нарядѣ обвѣнчался съ Цеперою.

Ааронъ въ нарядѣ обвѣнчался съ Элисевою.

Давидъ въ нарядѣ царскомъ обвѣнчался съ Батисевою.

Соломонъ въ нарядѣ царскомъ обвѣнчался съ Наамюю.

*) Переводъ съ древне-еврейскаго.

**) Последнія слова повторяются послѣ каждого куплета.

Женихъ (имя его и имя его отца) въ нарядѣ обвинчался съ невѣстою (имя ея и имя ея отца),—онъ знаменить между мужа и ея, а она знаменита между женами.

По окончаніи этой пѣсни, равнинъ съ учениками провожаютъ жениха домой. По дорогѣ новобрачной въ домъ мужа, всѣ женщины выбѣгаютъ изъ домовъ своихъ и бросаютъ на нее сарачинское пшено, въ пожеланіе ей плодородія, т. е., чтобы она родила много дѣтей. Такимъ-же образомъ встрѣчаютъ ее и всѣ женщины, находящіяся въ домѣ новобрачнаго, осыпая ее сарачинскимъ пшеномъ. При входѣ въ домъ, она должна перешагнуть черезъ кусокъ желѣза, положенный при самыхъ дверяхъ,—это дѣлается въ залогъ ея здоровья и счастья. Тутъ-же подносятъ ей два стакана, одинъ съ медомъ, а другой съ масломъ; невѣста кладетъ свою правую руку въ масло, а лѣвую въ медъ, и должна помазать темного наддверный косякъ обѣими руками,—это дѣлается въ знакъ благополучной и роскошной жизни. При входѣ въ домъ, братъ невѣсты, который велъ коня ея, дѣлаетъ въ честь ея шабашъ, т. е. онъ танцуетъ съ нею лезгинку, а молодые люди стрѣляютъ и кричатъ: ура!, прислуга подноситъ народу вино, и всѣ пьютъ за здоровье невѣсты. Невѣсту отводятъ въ особую комнату; возлѣ нея должна сидѣть енга, съ двумя согдушами. Изъ каждаго дома приносятъ на свадьбу по 3 чурека, съ яицами и мясомъ; возлѣ дверей стоитъ человѣкъ, который все это принимаетъ отъ приносящихъ. Вечеромъ, собираются жители на свадьбу; женихъ садится и возлѣ него разстилаютъ большой шелковой платокъ, на который кладутся подарки, деньги или различныя серебряныя и золотыя вещи, отъ лицъ, подходящихъ къ жениху съ поздравленіемъ; возлѣ платка стоитъ человѣкъ, который провозглашаетъ, кто именно и сколько даетъ, причемъ онъ говоритъ: гой шабашъ! такой-то сегодня принесъ въ честь сына, дочери или брата пять рублей. Въ это время подходитъ мать жениха, съ его родственниками; она держитъ тарелку, на которой лежитъ три чурека, окрашенныхъ разными красками; въ каждый изъ этихъ чурековъ вставлено по три тоненькія восковыя зажженные свѣчи, а возлѣ свѣчей лежатъ три яйца и три яблока; въ яблоки воткнуты монеты. Мать подаетъ это сыну, а глашатай объявляетъ, сколько денегъ даетъ мать и сколько родственники. Такіе-же подарки собираются и невѣстою отъ женщинъ. Когда всѣ подарки соберутся, же-

нихъ принимаетъ ихъ по счету, при свидѣтеляхъ, и потомъ всѣ садятся ужинать. Послѣ ужина, кому угодно, тотъ уходитъ домой, а остальные мужчины и женщины танцуютъ лезгинку, при звукахъ зурны и барабана, до самаго разсвѣта. Когда наступаетъ полночь, согдуши и енга выходятъ изъ комнаты невѣсты, а шафера вводятъ къ ней жениха. По окончаніи брачнаго акта, женихъ немедленно выходитъ оттуда, и въ ту-же минуту входятъ туда опять согдуши съ енгою; молодой мужъ отправляется въ особую комнату, и въ это время шафера его стрѣляютъ изъ своихъ ружей, чѣмъ даютъ знать, что дѣло окончено благополучно. Молодая жена его не слѣзаетъ съ постели 7 дней; енга со согдушами прислуживаютъ ей втеченіи этого времени; каждый день приходятъ къ молодой женѣ всѣ ея подруги — веселить и утѣшать ее. Въ субботу и въ слѣдующую среду послѣ семи дней свадьбы, собираются къ молодому мужу всѣ молодые люди, а къ новобрачной—всѣ дѣвушки, и пируютъ у нихъ—поютъ и танцуютъ въ послѣдній разъ: молодой четъ дается тогда свобода и право заниматься съ того дня своими дѣлами.

Горскіе евреи, мужчины и женщины, одѣваются въ тѣ-же костюмы, какіе носятъ племена, между которыми они живутъ.

Лучшіе наряды женщинъ постоянно заперты въ сундукахъ, и онѣ ходятъ одѣтыми весьма просто и бѣдно, другія даже въ лохмотьяхъ; но въ рѣдкихъ случаяхъ, какъ напр. на свадьбы и въ годовые праздники, онѣ наряжаются довольно щеголевато.

Мнѣ пришлось видѣть обряды, какіе бываютъ у нихъ при рожденіи дѣтей. Въ селеніи Мамрашъ, въ Кюринскомъ округѣ, хозяйка, у которой я стоялъ на квартирѣ, родила сына. Рожала она, лежа на землѣ, въ особой комнатѣ; постелью ей служила солома. Когда дала знать хозяйкѣ, что жена его родила, онъ пришелъ и первымъ дѣломъ его было зягечъ свѣчи и прибить къ стѣнамъ бумажки, на которыхъ написаны имена различныхъ ангеловъ, предохраняющихъ новорожденного отъ злыхъ духовъ и недобрыхъ приключеній; постороннимъ былъ запрещенъ входъ къ родильницѣ. Черезъ нѣсколько дней, стали посѣщать ее деревенскія женщины. На 8-й день отъ рожденія, дитя было обрѣзано по установленію закона Моисея. Рѣзникъ, занимающій должность раввина, сдѣлалъ эту операцію весьма искусно, да и вообще

горцы мастера заживлять раны, въ особенности-же евреи: они имѣютъ такой порошокъ, который насыпаютъ на рану, и она очень скоро заживаетъ. Церемоніаль обрѣзанія бываетъ или въ синагогѣ, или въ домѣ родильницы. Въ укр. Грозномъ, я присутствовалъ также при обрѣзаніи. Церемоніаль былъ на дворѣ родильницы и въ самое холодное время декабря мѣсяца 1868 года; общество собралось тамъ на дворѣ, и не смотря на большой морозъ, рѣзникъ, тамошній раввинъ, совершилъ операцію весьма хорошо. Послѣ обрѣзанія, устроили длинные столы на дворѣ, на столахъ поставили кувшины съ виномъ и водкою, вареныхъ и жареныхъ куръ и гусей, которыхъ они, безъ помощи ножей и вилко, разрывали пальцами на куски и ѣли безъ хлѣба, стоя по колѣни въ снѣгу.

Есть у нихъ еще обычай, что если родильница сильно страдаетъ при родахъ, то берутъ на кладбищѣ землю отъ могилы кого-либо, умершаго втеченіи 40 дней до времени ея родовъ, кладутъ эту землю въ стаканъ съ водою и даютъ родильницѣ выпить эту воду, съ вѣрою, что это будетъ полезно для родовъ и плодородія вообще; если-же такое средство не помогаетъ, то выкапываютъ изъ глубины той-же самой могилы еще разъ землю, кладутъ ее, также какъ и прежде, въ воду и даютъ ее выпить. Все это дѣлается безъ позволенія раввина, ибо раввины строго запрещаютъ такой способъ леченія.

Они даютъ своимъ дѣтямъ имена самыя древне-еврейскія, которые теперь не въ употребленіи у европейскихъ евреевъ. Это доказываетъ, что они должны быть потомки тѣхъ евреевъ, которые взяты были въ плѣнъ Салманасаромъ ассирійскимъ, еще во времена перваго существованія храма іерусалимскаго, ибо употребляемыя у нихъ имена, мужескія и женскія, употреблялись еще во время странствованія евреевъ въ Аравійской пустынѣ и во время судей и царей израильскихъ. Привожу здѣсь нѣкоторые изъ такихъ именъ, для примѣра. *Имена мужескія:* Мамре, Гамліилъ, Аминодавъ, Нахшонъ, Эльдохъ и др., принадлежащія ко времени странствованія евреевъ въ пустынѣ; Элькопа, Осніилъ, Устахъ и Монеахъ, принадлежащія ко времени судей; Авнеръ, Беноіогу, Іоавъ, Цефаня и много другихъ, принадлежащихъ ко времени израильскаго царства, при первомъ храмѣ. *Женскія имена:* Авиганъ, Авишагъ, Оснатъ, Билга, Махласъ, Серахъ, Пенина, Керенгапухъ, Шунамитъ, Іоэлъ, Іемима, Иса и пр., не существующія вовсе теперь у европейскихъ евреевъ. Молитвы у

горскихъ евреевъ тѣ-же самыя, какъ у европейскихъ евреевъ-талмудистовъ, большею частію по ритусу знаменитаго раввина Х. І. Азулои. Молитвы они совершаютъ: утреннюю, когда солнце восходитъ, и вечернія—при заходѣніи солнца и при явленіи звѣздъ на небѣ.

Синагоги у горскихъ евреевъ устроены вездѣ по одному плану, въ татарскомъ вкусѣ, и всѣ похожи на мусульманскія мечети. Женщины не посѣщаютъ синагогъ, а во время молитвы нѣкоторые приходятъ и становятся подъ окошками синагоги, до окончанія богослуженія. Большею частію читаетъ только раввинъ; всѣ-же остальные стоятъ или сидятъ молча и слушаютъ моленія раввина. Раввинъ, во время молитвы, стоитъ лицомъ къ западу, противъ храма Соломонова въ Иерусалимѣ.

V.

Статистическія свѣдѣнія о горскихъ евреяхъ.

По собраннымъ мною свѣдѣніямъ, горскіе евреи населяютъ въ при-каспійскомъ краѣ и Терской области слѣдующія мѣста:

ВЪ ДАГЕСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ:		Число дымовъ.	Число раввиновъ.	Число синагогъ.	Число училищъ.
<i>Въ Сѣверномъ Дагестанѣ:</i>					
Въ сел.	Тарки.....	50	1	1	1
—	Буйнаки.....	15	1	1	1
—	Карабудах-кентъ.....	18	1	1	1
—	Дургели.....	25	1	1	1
—	Б. Дженгутай.....	6	—	—	—
— г.	Т.-Х.-Шуръ.....	35	2	1	2
— укр.	Чиръ-Юртъ.....	10	—	—	—

		Число домовъ.	Число раввиновъ.	Число синагогъ.	Число училищъ.
<i>Въ Южномъ Дагестанѣ:</i>					
	Въ г. Дербентѣ.....	200	1	2	7
Въ загородной части г. Дер- бента.	— с. Хошманзиль.....	21	1	1	1
	— Аглаби.....	6	—	—	—
	— Нюгди-Мюшкуръ..	68	1	1	2
	Въ с. Рукель.....	30	—	1	—
Въ Кайтаго-Та- басаранскомъ	— Мугатырь.....	29	1	1	1
	— Марага.....	16	1	1	1
	— Хели-Пенжди....	18	1	1	1
округъ.	— Гемейды.....	22	1	1	1
	— Маджалисъ.....	100	1	1	2
	— Янги-кентъ.....	116	2	2	2
Въ Кюрин- скомъ округъ.	Въ с. Мамрачь.....	82	1	1	1
	— Ханджалъ-Кала..	30	1	1	1
	— Арагъ.....	87	1	1	2
	— Карчагъ.....	25	1	1	1
	— Имамъ-Кули-кентъ	11	—	—	—
	— Джерахъ.....	20	1	1	1
Итого.....		1040	21	22	30

Примѣч. Во всей Дагестанской области евреи живутъ только въ Северномъ и Южномъ Дагестанѣ, въ 24 мѣстахъ; въ Западномъ и Среднемъ евреевъ нѣтъ.

ВЪ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ:				
<i>Въ Кумыкскомъ округъ:</i>				
	Число дымовъ.	Число раввиновъ.	Число синагогъ.	Число училищъ.
Въ укр. Хасавъ-Юртъ.....	40	2	2	2
— сел. Андреевомъ.....	23	1	1	1
— — Костекъ.....	37	1	1	1
— — Кази-Юртъ.....	1	—	—	—
— — Аксай, или Ташкичу.....	81	2	1	2
<i>Въ Чеченскомъ округъ:</i>				
Въ укр. Грозномъ.....	197	2	2	2
<i>Въ Кабардинскомъ округъ:</i>				
Въ укр. Нальчикъ.....	74	1	1	1
Всего.....	453	9	8	9
<i>Примѣч. Во всей Терской области живутъ евреи только въ 7 мѣстахъ.</i>				
ВЪ БАКИНСКОЙ ГУБЕРНІИ:				
Въ г. Кубъ.....	952	10	10	20
— Шемахинскомъ уѣздѣ—въ сел. Мюджи.	145	3	1	2
ВЪ ЕЛИСАВЕТПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ:				
Въ Нухинскомъ уѣздѣ—въ с. Варташияъ.	190	5	2	5
Всего.....	1287	18	13	27
Всего во всей Дагестанской и Терской областяхъ, въ Бакинской и Елисаветпольской губерніяхъ.....	2780	48	43	66

Горскіе евреи занимаются преимущественно торговлею. Многие изъ нихъ выдѣлываютъ также сафьянъ, занимаются мареноводствомъ, разведеніемъ фруктовыхъ и виноградныхъ садовъ, для которыхъ потребное количество земли арендуютъ у землевладѣльцевъ, на разныхъ условіяхъ, или пріобрѣтаютъ покупкою, занимаются еще винодѣліемъ и разведеніемъ простаго сорта табаку. Жизненные припасы они пріобрѣтаютъ у туземцевъ или у русскихъ, на деньги, или вымѣниваютъ на мелкіе товары.

Иуда Черный.

Гялисъ.

1869 г.